

РОМАН БУРЖИКОВ

ЖИЗНЬ НА ТРОНѢ

Том I

Полари

Роман Суржиков
Кукла на троне. Том I

«ИП Головин»

2018

Суржиков Р.

Кукла на троне. Том I / Р. Суржиков — «ИП Головин»,
2018 — (Полари)

Тиран повержен, война окончена. Мир воцарился в Империи Полари. Столица празднует, двор пирует. Но в чьих руках остались смертоносные Персты Вильгельма? Кто сумел стравить меж собою два сильнейших рода Полари? Кто стоит за кулисами кровавого спектакля... и каким будет следующее действие?

© Суржиков Р., 2018

© ИП Головин, 2018

Содержание

Спутники – 1	5
Искра – 1	11
Спутники – 2	20
Искра – 2	32
Перо – 1	42
Искра – 3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Роман Суржиков

Кукла на троне. Том 1

Спутники – 1

Окрестности Мелоранжа (герцогство Литленд)

– Лысый хвост, а не деревня, – сказал ганта Бирай.

Он даже не сходил с коня – знал, что на поживу нечего надеяться. Сидел на спине гнедого, жевал корень кислицы. Глядел, как его люди ходят с факелами от избы к избе.

– Обычная деревня, – ответил Неймир.

– Не хуже остальных, – прибавила Чара.

И то верно. Прошлые деревни ничем не отличались: дюжина глиняных мазанок, крытых соломой. Ни скота, ни зерна; серебра и золота – подавно. Люди ушли в джунгли, забрав все, что чего-нибудь стоило. Правда, в этой вот деревне осталась горстка стариков. Тупые или наивные, или жить устали – кто их разберет. Обшарив погреба и зверея от скудости добычи, шаваны Бирая сожгли деревню. Ползунов убили, вспороли животы, отрубили ступни – все, как велел вождь.

– Грязные обезьяны, – ганта Бирай сплюнул на труп крестьянина.

– Обычные литлендцы, – ответил Неймир.

– Везде такие, – кивнула Чара.

– Ни козы, ни лошади... Ни крошки хлеба! Чем только жили эти ползуны?

– Держали скот, а теперь угнали в джунгли, – пожал плечами Неймир. – Сам знаешь, ганта: нужно в джунгли идти.

– Я знаю?.. – Бирай пожевал корень, по бороде стекли бурые капли слюны. – Надо убираться отсюда, вот что я знаю. Мы ничего не находим в этих долбанных деревнях. А жрать-то хочется.

Он все жевал. От вида чужих работающих челюстей у Нея сводило желудок.

– И еще, чего доброго, в засаду влетим. Возвращаться надо, вот что.

– Ганта, Степной Огонь приказал...

– Я знаю, что он приказал! – взревел ганта Бирай. – Не тебе меня учить! Сам решу, что делать, а ты молчи!

Ней умолк. Не то, чтобы испугался, просто спорить смысла не было. Дерьмово все выходило. Это видели Неймир и Чара, и ганта Бирай тоже. О чем спорить, если каждый сам все видит ясно?

Пять степных деревень – без крохи добычи. В остальных селениях – тех, что в степи, – будет так же. А джунгли, что темнеют на горизонте, – это гибель для шавана. В той чаще под каждым кустом, на каждой ветке, в каждом чертовом дупле может сидеть ползун-литлендец с луком и отравленными стрелами. Сунуться туда – себе дороже. Даже Чара с Неймиром не пошли бы в джунгли без веской причины. А они из лучших всадников орды, куда там ганте Бираю.

– Чего стоите, парочка? – прикрикнул на них Бирай, будто услышал, что о нем думают. – Возьмите трупы, унесите из деревни. Сказано: ползунов скормить шакалам. Так и заберите, чтобы не сгорели.

Неймир пожал плечами и взял мертвеца за обрубки ног, Чара – под руки. Когда отошли на дюжину шагов, Чара сказала:

– Плохо, что Бирай стоит над нами.

– Да, – согласился Неймир.

– Плохо ездить с чужим ганом.

– Да.

А что еще сказать? Опять же, всем все ясно. До битвы у Бирая был ган в сорок всадников. После битвы осталось тринадцать – мало для рейдового отряда. Чтобы послать в рейд, нужно усилить кем-то. Чара с Неймиром вдвоем считались за семерых воинов, вот их и передали в помощь Бираю. С ними выходило как бы двадцать всадников – достаточно для дела.

– Не ешь то, что жрет шакал. Не ездь с теми, кого не знаешь.

– Да, – снова согласился Неймир.

– Бросай уже эту падаль!..

Чара отшвырнула труп ползуна.

* * *

В следующей деревне они угодили в засаду. Хуторок стоял у склона холма, поросшего жидким леском. Но как бы ни был он редок, а дюжина всадников сможет подъехать незаметно. Потому ганта Бирай послал Чару с Неймиром в лесок – если что, предупредить об опасности. То была ошибка: опасность крылась в самой деревне.

На вершине холма Чара услышала звон тетивы. Дернула Неймира, выбежали на открытую поляну, вместе глянули вниз. Бирай галопом скакал прочь из деревни, за ним – его шаваны. Уже девять, не тринадцать. За их спинами выбегали из хижин лучники, а из хлева выезжали рыцари в кольчугах. Первый, пятый, десятый... Летучий отряд – месть литлендцев за рейды.

Лучники спустили тетивы, и двое шаванов повалились в пыль. Остальные свернули, прикрывшись хужиной от стрел. Ганта гикал и нещадно стегал коня. Шаваны гнали галопом. Рыцари преследовали их, быстро набирая ход.

Неймир вложил пальцы в рот и свистнул. Ганта Бирай услышал его, понял намек, повернул на холм, к леску. Чара спешила, выбрала позицию, сорвала с плеча лук, воткнула стрелы в землю перед собой. Ней прикинул путь, по которому пройдет погоня, и отъехал в сторону, укрывшись за кустами.

Когда люди Бирая проскакали мимо, Чара бросила им:

– Мы задержим, вы обойдите. Закройте капкан.

Она даже не глянула на них, только услышала, как бухают копыта и хрипят кони, задыхаясь от скачки в гору. Продышали мимо нее, пропали за спиной, утихли. Первый рыцарь погони въехал на склон, за ним другие. Сбавили ход, поднимаясь. Поравнялись с укрытием Неймира.

Чара спустила тетиву. Стрела еще летела, как лучница уже схватила следующую. Наложил на тетиву, выпустила, схватила новую. Новую. Новую. Чара дышала в ритме быстрого бега и на каждом выдохе пускала стрелу. Вдох – натянуть тетиву, выдох – спустить. Вдох – натянуть... Полвзгляда, чтобы поймать цель и выстрелить. Тут же найти новую цель, забыв о прошлой. Каждая стрела попадет – Чара знала это. Не каждая убьет – это тоже знала. Чертовы рыцари, чертовы кольчуги. Но убить и не обязательно, главное – смешать, напугать, сбить с толку. Задержать.

В гущу растерянного отряда сбоку влетел Неймир. С налету рубанул одного, другого вышиб из седла, третьего опрокинул ударом конской груди. Рыцари опешили под градом стрел и натиском меча. Рвануть вперед и зарубить лучницу мешал Неймир, а всей толпой задавить Неймира – значит, сунуться под стрелы. Они замешкались, укрываясь щитами. Чара слала стрелу на каждом выдохе и ждала: вот сейчас им в спину зайдет Бирай. Одна атака – и конец рыцарькам, доскакались. Выдох. А нам – добыча. Кольчуги, клинки. Выдох. И еда. Главное – еда! Не голодными же скачут! Выдох. Имеют с собой жратву. Не как мы!.. Выдох. Выдох. Ну, где же шаваны Бирая? Выдох. Когда уже?!..

Неймир уложил двоих рыцарей, под третьим убил коня. Но спасло его не мастерство, а бешеная прыть Чары, да еще голод, что придавал ей злобы. Рыцари Литленда не подумали, что такой град стрел обрушила на них одна всего лишь лучница. Они решили: отряд, засада. Да еще остальные шаваны вот-вот развернутся и обойдут с тылу. Опасно. Потеряв шесть человек и получив десяток ран, рыцари откатились с холма. Чара с Неймиром не стали дожидаться, пока они вернутся с отрядом лучников из деревни. Наспех обыскали трупы, взяли еду из седельных сумок, собрали стрелы. Эти воины были не ползунами, а всадниками, как Ней и Чара. Стоило бы сказать над ними: «Тирья тон тирья», и сжечь тела. Но времени осталось только на то, чтобы прыгнуть в седла и ускакать.

Когда опасная роща осталась позади, они, не сговариваясь, принялись жевать. Отличный вышел рейд! Добыли припасов как раз на двоих...

Ганту Бирая они больше не увидели. Тот дезертировал вместе с остатками своего гана. Чара и Неймир не говорили о нем. Что говорить, когда все ясно?..

* * *

Дело стало дрянью после Мелоранжа.

Прежде было хорошо, даже слишком. За одну осень – половина Литленда под копытами. Семь разграбленных городов, три добрых победы в полях. Полно еды, горы трофеев – каких угодно: оружия, серебра, одежды, людей. Потеря – всего ничего.

А еще была идея. Непривычная штука: воевать не только ради добычи, но – за саму свободу. За вольный Запад, за извечные права, за честные старые законы. За правду. За победу, от которой всем станет лучше: и нам, и родным, и детям. Неймир помнил, как крепко спал тогда каждую ночь.

Надо отдать должное: Моран Степной Огонь был тем, кто повел их в поход. Это он сумел собрать орду, он взял переправы через священный Холливел, он трижды нашел способ разбить литлендцев. Он вел всадников вперед так быстро, что герцоги Малой Земли просто не успевали сколотить большую армию. И это Моран научил шаванов верить в идею, заразил их своею жаждой свободы, своей ненавистью к владыке-тирану и литлендским шакалам. Тогда каждый всадник обожал его, как родного отца.

Но потом был Мелоранж. Степной Огонь снова швырнул всадников в битву, будто копье в сердце врага, только в этот раз поспешность стала губительной. Император и шиммерийский принц Гектор поймали шаванов в ловушку. Четверть орды упала в пыль, еще четверть изнемогала от ран. Адриан и Гектор отрезали орду от лагеря, и она лишилась всех припасов, трофеев и невольников. Ее отбросили в степь – ту самую, в которой шаваны, наступая, выжгли и выели все подчистую.

Вот тогда стало плохо.

Тогда всадники начали спать на сырой земле, жевать ремни и коренья. Издыхали раненые в бою лошади, и шаваны, радуясь, жарили конину. Кто бы поверил, что когда-нибудь шаван станет радоваться смерти своего коня!.. Потомдохлые лошади кончились. А люди продолжали умирать – большей частью от гнили, попавшей в кровь через раны. Выли, стонали, плакали навзрыд... Вой умирающих и смрад гнилого мяса висели тучей над лагерем. Орда разлагалась, как мертвец, которого из ненависти бросили не сожженным. Чара ничего не говорила об этом, и Ней тоже. Что говорить, если все ясно. Но ночами они держались за руки – кажется, вой от этого становился тише.

Все ждали, что Степной Огонь соберет шаванов и скажет слово. Мол, мы задали перцу литлендцам, и довольно. Пускай не взяли Мелоранж, но отстояли Пастушьи Луга, спалили семь городов. Теперь эти шакалы будут бояться, больше не тронут того, что наше по праву.

Все ждали приказа отступить. Моран Степной Огонь собрал шаванов и сказал слово, но совсем не то, какого ждали.

– Это война, – сказал Моран. – Я слышу нытье, жалобы, щенячий скулеж. Это война! Вы что думали, будет легко? Вы думали, герцог Литленд сам скинет штаны и нагнется, чтобы мы его трахнули?! А с ним и Адриан, и Гектор Шиммерийский?! Нет! У нас крепкие враги, и они не сдадутся. Но мы вытащим их из-за стен Мелоранжа, поймаем их, как недавно они поймали нас. Мы растопчем их, поставим на колени, смешаем с пылью. Только тогда вернемся домой, и не раньше. Во имя великой степи, так будет!

По рядам прошелся ропот – сперва удивленный, потом недовольный. Вперед вышли двое вожаков: ганта Джантей и ганта Барок. Оба из крупных: Джантей привел на войну триста всадников, Барок – четыреста.

– Моран, ты погорячился, – сказал Джантей. – Как мы будем воевать, если нет жратвы? И как победим, если нас стало на треть меньше?

– Мы шли вернуть Пастушьи Луга, и вернули, – сказал Барок. – А биться насмерть и падать в пыль лишь затем, чтобы ты заработал славу – на это мы не соглашались.

– Мы уходим, – сказал Джантей. – А ты, Моран, хочешь – иди с нами, хочешь – бейся дальше, но без нас.

Степной Огонь ответил им, широко улыбаясь:

– Мы на войне, всадники. А на войне все решает сила. И я говорю: вам не хватит силы утащить меня обратно за Холливел. Но мне хватит сил притащить вас в Мелоранж, и я это сделаю.

– Интересно, как же? – хохотнул Барок. – Мы не пойдем с тобой.

Если быть совсем точным, он успел сказать лишь: «Мы не пойдем ссссс...» И засвистел, булькая кровью, а «тобой» так и не выговорил, поскольку в шее его торчал нож Морана. Джантей отпрыгнул и выхватил меч, но в три удара Моран уложил и его. Потом отрубил головы обоим мертвецам, поднял их за волосы и крикнул шаванам:

– Клянусь, что приведу к победе всех вас! Пойдете сами – хорошо. А иначе придется мне вас нести.

Он потряс мертвыми головами.

... Той же ночью восстали шаваны Джантея и Барока. Правда, не все – многие побоялись. Но целая сотня шаванов Барока атаковала шатер Степного Огня. Была лютая сеча, и всадники Огня победили. А сотня шаванов Джантея попыталась бежать из лагеря, но всадники Степного Огня догнали их и расстреляли на скаку в чистом поле. И мятежников, и дезертиров – всех, кто не погиб в бою, – притащили в лагерь, раздели и повесили на деревьях, перебив кости рук и ног. Три дня орда смотрела, как они умирали от боли и жажды, а вороны клевали их лица.

Сейчас, когда Ней и Чара вернулись из рейда, мертвецов стало больше. Вокруг лагеря деревьев не хватало. Ради новых казней откуда-то притащили стволы, вкопали в землю, к ним гвоздями приколотили дезертиров. Прибавилось больше трех дюжин – целая роща тел. Человек шесть еще стонали.

Чара долго смотрела на них, и не понять было, о чем думала. Неймир снял с плеча лук, наложил стрелу.

– Не нужно, – удержала его Чара.

– Не по-людски это, – сказал Ней. – Так волки делают, а не люди.

– А дезертировать – по-людски? Бросить спутников, как Бирай бросил нас?

– Тоже нет, – признал Неймир и опустил лук.

Они двинулись дальше и теперь оба думали об одном: по-людски было бы отступить. Волки Севера бьются ради смерти, собаки императора – тоже. А люди Запада дерутся за добычу и свободу, но не затем, чтобы убить любой ценой. В том и разница меж людьми и волками.

Ганта Корт – вожак их гана – встретил парочку в просторном шатре. Радушно поднялся им навстречу, каждого хлопнул по плечу, потрепал короткие волосы Чары.

– Мои лучшие! Как я рад вас видеть!.. Садитесь, дайте отдых ногам.

Они уселись, отложив в сторону оружие.

– Ты разжился шатром, ганта? Когда бежали от Мелоранжа, ничего у нас не было.

– Конские шкуры, – осклабился Корт. – От мертвой лошади бывает прок. А еще вот, угощайтесь.

Он протянул раскрытую суму, полную полосок вяленого мяса. Ней жадно схватил и принялся жевать, Чара улыбнулась с набитым ртом.

– Удачный вышел рейд? – спросил Корт с таким видом, будто сам уже все понял. Да и как не понять: рейдеры, посланные за припасами, вернулись голодными.

– Бирай дезертировал, – сказал Неймир.

– Следовало ждать, – кивнул Корт. – Бирай – ослиный хвост.

– Ты послал нас с ним, зная, что он сбежит?! – окрысилась Чара.

– Кого-то надо было, так Огонь приказал. Послал бы других – они сбежали бы вместе с Бираем. А в вас я уверен.

Они молча жевали.

– Раз уж о Степном Огне... – сказал Корт, помедлив. – Как вам все это нравится?

Неймир хотел честно сказать: хвосты. В смысле – скверно все: и трупы на столбах, и голод, и пустые деревни. Засада литлендцев – тоже скверно: значит, осмелели они, больше не робеют перед нами... Это Ней хотел сказать, но вдруг почувал: сама эта беседа – тоже какая-то неладная. Корт – ганта, вожак. Причем умный вожак, да еще такой, которому Чара с Неем крепко задолжали. С чего бы ему спрашивать их мнения? Если Корт считает, что орде пришли хвосты, то сам бы так и сказал, а не спрашивал.

Так что Неймир ответил осторожно:

– Течет река...

– Скачет конь, – поддакнула Чара с набитым ртом.

Это значило: все на свете меняется, в том и жизнь – в переменах.

– Вот как!.. – Корт нахмурился. – Хорошо же нас река принесла, если шаван шавану ломает ноги, шаван шавана прибывает к столбу! Мы теперь – как волки Севера: все подохнем, но с поля не уйдем? Так выходит?

– Война, – пожал плечами Неймир. – Легко победа не дается.

– Угу, брат, я это уже слышал. От Морана. Ровно перед тем, как он снес головы двум своим спутникам.

– Они хотели уйти.

– А почему нет? – спросил Корт. – Мы – вольные всадники. Воюем, когда хотим, а не когда прикажет какой-то долбанный лорд. Мы шли биться за свободу, а стали рабами Степного Огня. Как так вышло, расскажете?

– Коню нужна узда, – сказал Неймир.

– А войску – сильная рука, – кивнула Чара.

– Кроме руки, еще ум требуется. Куда ведет нас Степной Огонь? Он обещал, что возьмет Мелоранж, – нас разбили и отшвырнули. Он послал рейдеров жечь деревни, чтобы выманить врага из-за стен, – это не дало толку. Все, чем Литленд дорожит, осталось в джунглях. Все большие города – Мейпл, Ливневый Лес, Мелководье – либо в джунглях, либо дальше, на берегу. Литлендцы ни за что не примут бой в степи: здесь им уже нечего терять. Я предвижу вот что. Моран так жаждет битвы, что поведет нас в джунгли. Там нас поймают в ловушку и перережут, как свиней. Вот куда принесет река.

Все трое помолчали. Потом Корт добавил:

– И что самое дерьмовое. Ладно бы за свободу, как он обещал... Но штука в том, что все это – из-за бабы. Морану сильно приглянулась одна литлендская девка. Он хотел взять Мелоранж и ее заодно. А не вышло. Теперь у нашего вождя, – Корт положил руку между ног, – стержень зудит. Ради вождевого члена все мы и сдохнем.

Неймир хмуро сказал:

– Ганта, к чему ты ведешь? Я вижу, что дело – хвосты, и Чара видит. И Моран во многом неправ, это мы тоже понимаем. Но ты – наш вожак. Хочешь приказать – прикажи. Хочешь нашего совета – спроси ясно. А то я никак не возьму в толк, куда ты клонишь.

Ганта Корт закрыл суму с вяленой кониной и убрал в сторону. Мол, прежде была застольная болтовня, а теперь – серьезно.

– Степной Огонь ищет людей для сложного дела: хочет отправить разведку к Литлендам. Велел каждому крупному ганте прислать к нему пару хороших воинов, а он выберет, кто лучше подойдет. Я знаю: он выберет вас. Для такого дела никого лучше не найти.

– Ты хочешь, ганта, чтобы мы пошли в разведку?

– Под хвост разведку! – рывкнул Корт с неожиданной яростью. Выдохнул и сказал очень тихо: – Вы задолжали мне, помните?

Вот тут Неймир понял, насколько все дрянно. Раньше были только забавки. Даже трупы на столбах – мелочи. Настоящее дерьмо начинается теперь.

– Мы помним, – выпятил Неймир.

– Помним, – шепнула Чара.

– Задание на разведку будет тайным, – сказал Корт. – Чтобы сообщить его, Моран позывает вас в свой шатер, поставит перед собою. Рядом будут только два его шавана, может, три. Верните, что задолжали. Убейте Морана Степного Огня.

Они переглянулись. У Нея высохло во рту, Чара облизала губы.

– Наверное, потом и вас убьют, – сказал Корт. – Но думаю так. Три весны назад я вам обоим спас жизнь. Если сегодня ляжете в пыль, то выйдет, что я каждому подарил по три года. Выгодно для вас.

Искра – 1

Фаунтерра, Дворцовый Остров

«Империя в ваших руках. Радуйтесь, ваше величество».

Как меняется смысл слов от их повторения? Становится ли глубже? Яснее?..

«Вы остановите гражданскую войну. Вас примет Север, как ставленницу Агаты. С вами смирится Центр, как с законной наследницей. Коронация принесет мир. Ваше величество должны короноваться».

Ваше величество должны... Что конкретно значат слова о долге? Какие действия за ними стоят?

* * *

«Покои вашего величества... Мы просим прощения: здесь прохладно. Искровые машины вышли из строя, а печи не топились из-за осады. Но скоро мы все исправим. Немного терпения, ваше величество...»

Могу ли я пожить в городе? В гостинице, например?..

«Простите, невозможно. Обе стороны примут это за конфликт с Агатой. Ваше величество должны понять...»

Конечно. Должна.

«Дворец вашего величества. Извольте видеть, он слегка поврежден при осаде.»

Я вижу. Нет половины окон, крыша проломлена, в коридорах лежит снег вперемешку с битым стеклом, комнаты смердят мертвечиной.

«Будьте спокойны, к коронации все предстанет в лучшем виде. Храните спокойствие, ваше величество!»

Храню спокойствие. Что еще мне хранить?

«Слуги вашего величества. Секретари, камердинеры, церемониймейстеры, телохранители, лакеи, горничные – всегда к услугам вашего величества!»

Где вы взяли эту свору? Тут полсотни человек, не меньше!

«Большая часть штатной прислуги с радостью вернулась во дворец, чтобы служить вашему величеству.»

Ориджин убил дюжину слуг, а остальных разогнал. Почему теперь они вернулись? Их притащили силком? Или просто пообещали еду?..

Да и что мне делать с этими людьми?

«Распоряжайтесь ими, как будет угодно вашему величеству».

Распоряжаться?.. Стаей в полсотни голов?! Я в жизни не командовала больше, чем парой человек!

«Ваше величество не должны волноваться. Эти люди вышколены многолетней службой. Они сами знают все, что нужно делать.»

А что делать мне? Не посоветуете ли?..

«Вашему величеству следует готовиться к коронации. Церемониал сложен...»

Если коронация принесет мир, почему нельзя просто взять и надеть корону на мою голову? Сегодня же!

«...церемониал сложен, но нужно соблюсти его с высочайшей точностью. Любая поспешность или небрежность будет воспринята как признак шаткости новой власти.»

Признаки правды?... О, как прискорбно! Конечно, мы должны избежать этого.

«Однако не беспокойтесь: мы каждую минуту будем сопровождать ваше величество, помогая во всяком деле.»

Каждую минуту? Каждую?! Минуту?!!

«Вашему величеству требуется полный гардероб. Костюмеры уже приглашены...»

Я хочу узнать состояние дел в стране. Мне нужны министры, а не костюмеры!

«Ваше величество, просим понять: сейчас ничего нет важнее, чем скорейшая и успешная коронация. Она принесет мир и процветание. Будьте благоразумны и сосредоточьте все усилия на подготовке к ней.»

Я понимаю это, но хочу знать, что происходит в Империи. Могу ли увидеть министров?

«Министры бежали из Фаунтерры, напуганные возможным сражением. Но не беспокойтесь, прилагаются все усилия, чтобы восстановить государственный аппарат. В скором времени мы уведомим ваше величество обо всех делах... А пока будьте так великодушны – примите костюмеров! Вашему величеству нужно только немножко постоять и потерпеть, пока мы снимем мерки... Еще немножечко, ваше величество... И еще минуточку...»

Платья? Костюмеры? Тьма, не тратьте времени на эту чушь! Ступайте в особняк Нортвудов – там полно моих нарядов... Если голодные мещане еще не разграбили дом.

«Ваше величество никак не может появляться в тех же платьях, что и летом! Они слишком скромны для императрицы, к тому же, вы надевали их, нося имя Глории Нортвуд. Весь ваш гардероб обязательно будет обновлен! Покой и благополучие двора зависят от этого. Придворные дамы крайне чутки к нарядам, настроению, внешнему облику императрицы!»

Вы шутите? Какие дамы?! Дворец набит кайрами Ориджина и перепуганными слугами!

«Ваше величество видят, как важно восстановить мирное течение жизни. И дамы, и министры вернутся, когда коронация успешно свершится. Итак, вашему величеству требуется: шестнадцать повседневных нарядов, восемь официальных на разные случаи, четыре чайных, четыре для занятий спортом, также утренние, вечерние, ночные, прогулочные, танцевальные... Общим счетом шестьдесят четыре комплекта. Лучшие мастерские Фаунтерры в кратчайшие сроки...»

Шестьдесят четыре?! Кто платит за это?

«Ваше величество не должны беспокоиться. Казна государства несет все расходы.»

О ней я и беспокоюсь!

«Не берите в голову, ваше величество. Пускай финансы не заботят вас, для этих забот будут назначены казначеи. Позвольте же обсудить первостепенную задачу: эскиз платья для коронации.»

Одно из официальных не подойдет?

«По традиции, коронационное платье надевается единственный раз, а затем сжигается. Будучи сохранено, оно станет напоминать об изменчивости власти и притягивать перевороты. Владычица Элоиза в четырнадцатом веке сохранила коронационный наряд и была свергнута спустя полтора года.»

Надо полагать, вид платья также закреплен традицией?

«Ваше величество, платье должно включать цвета династии: лазурный, алый и коричневый. В вашем случае лучше всего будет платье из синего атласа с рубинами и мантия с отделкой из соболя.»

Цвета династии, как носил Адриан... Насмешка, фарс. Я люблю зеленый. Хочу простое платье зеленого цвета.

«Никак невозможно, ваше величество. Зеленый – цвет Нортвудов, он станет напоминать об интриге графини Сибил. Лазурный с алым отражают преемственность и законность власти. Это сейчас самое важное. Ваше величество должны понять.»

Так вот в чем мой долг перед Империей? Носить синее платье и накидку из соболя?!

«Сегодня – цирюльники, ваше величество. Завтра – мастера красоты. Затем – ораторы, после них – парфюмеры».

А когда – министры, лорды, военачальники? Я хочу знать, чем живет моя страна!

«Нижайше просим простить, но всему свое время. Когда насущные вопросы будут решены, ваше величество получит все сведения, какие пожелает. Но сейчас отвлекаться от подготовки будет преступной небрежностью с нашей стороны! Ваше величество должны понять!.. Цирюльники уже ждут, вы окажете милость всему государству, если примете их.»

«Традиционно при коронации императрица носит длинные локоны, как знак женственности и чистоты. А после церемонии она срезает их, показывая готовность к спортивным упражнениям и активной жизни. Волосы вашего величества недостаточно длинные, потому выход лишь один: мы изготовим для вас парик.»

Парик?.. Мертвая пакля, пристанище для моли?.. Мне нравятся мои волосы!

«Ваша стрижка напоминает монашек-ульянинок, что связывается в умах с мыслями о смерти. Только парик, ваше величество... Также необходимы пудра и румяна.»

Зачем?

«Нижайше прошу простить, ваше величество, но ваша благородная бледность может быть воспринята как знак болезненности. Нездоровье императрицы – признак шаткости власти, это недопустимо... Мы нанесем пудру, а затем румяна, чтобы придать вид здоровья...»

Я не хочу, чтобы меня красили, как куклу. В прошлый раз начинали с пудры, а кончили ядом в кофе.

«Ваше величество, пудра совершенно необходима. Нижние веки вашего величества имеют оттенок бессонницы. А также лучики...»

Морщины и синяки под глазами, хотите сказать? Мне они по душе. Я похожа на себя – бессонную и унылую. Чем плоха честность?

«Юлиана Великая спала как младенец накануне коронации, слуги едва сумели ее разбудить. Она стала самой могущественной из императриц Полари. Крепкий сон – знак уверенности в себе, бессонница – признак тревог. Тревоги государыни станут тревогами страны... Недопустимо, ваше величество. Вы должны понять...»

Я должна, конечно... Что еще я должна?

«Теперь обратимся к глазам. Ваше величество умеют плакать?»

Нет. Разучилась в монастыре. А зачем это нужно?

«На протяжении всего церемониала вашему величеству стоит держаться очень уверенно. Однако в конце вы прочтете молитву Янмэй Милосердной, и первосвященница дарует вам благословение. Тут будет очень полезно прослезиться – это покажет вашу душевность и кротость перед лицом Праматерей. Народ с большой любовью принимает владычиц, которые плакали после молитвы. Чтобы помочь вашему величеству, мы нанесем на ресницы порошок кислой ягоды. По завершении молитвы похлопайте веками и протрите глаза ладонью – немедленно появятся слезы.»

Меня волнует один вопрос. Позволите? Благодарю!.. Страна истерзана войной, столица обескровлена, госпитали заполнены калеками, шаваны грабят Литленд, весь Запад откалывается от Империи. Так почему, тьма сожри, я занята румянами, пудрой и порошком для ресниц?!

«Ваше величество так благородны и щедры душою! Вы не можете не чувствовать: в трудную минуту главное для народа – вера в лучшее, надежда на спасение. Соблюсти все традиции, провести коронацию как следует – значит, показать людям, что власть снова крепка, а завтрашний день принесет стабильность. Народ вздохнет с облегчением, мужчины вернутся по домам, дети и матери смогут спать спокойно. Будьте же милостивы, ваше величество: не лишайте их этого счастья!»

Когда я займусь государственными делами?

«Вы уже заняты ими в полной мере! Извольте видеть, речь вашего величества – крайне важный элемент коронации. Существует традиционный список тем, которые должна затронуть речь наследницы престола. Это: любовь к Империи и народу, благодарность к прежнему императору, обнадеживающие слова о нынешнем положении дел, уроки, усвоенные наследницей из истории, обещание милостивого и справедливого правления. Речь занимает не менее двадцати минут и состоит, по крайней мере, из двух тысяч слов. Но ваше величество не должны волноваться: речь подготовят опытные мастера церемоний, ваша задача состоит только в том, чтобы заучить и произнести ее.»

Императрица не говорит своими словами?..

«Излишняя трудность, ваше величество. Не мучайте себя сочинением речи. Для ваших слуг будет счастьем написать ее для вас. Однако, к сожалению, читать речь с листа не принято, потому вашему величеству следует ее запомнить. Чтобы упростить запоминание, ораторы будут начитывать вам речь вслух. Это также поможет вашему величеству выработать верное произношение.»

Мое – неверное?

«Извольте видеть, ваше величество говорит с северным акцентом...»

Я и есть северянка до мозга костей! Народ должен знать, кто им правит.

«Нам следует думать не только о благе северян, но и о жителях Земель Короны. Им станет значительно спокойнее, если ваше величество произнесет речь со столичным выговором. Это несложно: достааотно немношечко смяхшать соклаасные и чшуть протяакивать глаасные. Говорить будто немношшко фкраадчиво, с шепотком. Попробуйте, ваше велишестфо!..»

Я постараюсь.

«Ораторы помогут вашему величеству овладеть этим навыком. Вряд ли понадобится больше пяти тренировок. Также мы пригласим священников, которые научат вас правильной молитве.»

Молитва Янмэй Милосердной? Меня не нужно учить этому! Я – внучка Янмэй, вы забыли?

«Речь идет о парадной молитве Династии: „Твоя рука на моем плече“. В ней тридцать две строфы, которые читаются нараспев, церковным канонем. Ваше величество обучится за десять уроков. Но нужно учесть кое-какие обстоятельства. Ваше величество будет читать молитву пред лицом первосвященницы Церкви Праматерей – архиматери Эллины. Встретив свое девяностолетие, ее святейшество Элина поступилась долей гибкости рассудка. Выполнение ею своей части ритуала находится под вопросом.»

Архиматерь выжила из ума? Что она сделает? Уснет посреди коронации? Забудет слова молитвы? Расхохочется, как ведьма?

«При ее святейшестве будет помощница Корделия, она поможет Эллине во всем, кроме одного. Ее святейшество должна лично сказать вам слова благословения, когда вы окончите молитву. Если Элина забудет сделать это или скажет какие-то иные слова, или поведет себя непредсказуемо, ваше величество все равно должны сделать вид, что получили благословение. Ведите себя, как ни в чем ни бывало, поблагодарите Эллину и поцелуйте ей руку, прослезившись при этом.»

И для этого тоже есть свой урок?

«Конечно, ваше величество. Мать Корделия завтра прибудет к вам, чтобы отрепетировать получение благословения. А затем, с вашего позволения, обсудим парфюмы...»

Я никогда не пользовалась ими. Можем мы, наконец, обсудить хоть что-то важное?

«Что может быть важнее впечатления, которое вы произведете на двор? Извольте видеть, наряд и речь императрицы на коронации предназначаются для народа – простого люда, допущенного увидеть владычицу. Но запах парфюма почувствуют лишь самые близкие, потому он очень важен: несет намек на ту внутреннюю политику, которую владычица будет вести при дворе. Традиционно императрица выбирает один из четырех запахов. Фиалка – знак женственности, мягкости, покорности сильному мужчине: своему будущему мужу либо первому советнику. Это порадует герцога Ориджина, однако породит кривотолки, потому сам же герцог советовал взять иной аромат. Роза, в противовес фиалке, обещает жесткую политику с упором на военную силу, что в вашем случае вряд ли будет уместно. Фруктовые ароматы – апельсин, персик, манго – значат прицел на торговлю и финансовое преуспеяние. Древесные оттенки – иланг-иланг, сандал – являют символ мудрости и справедливости, акцент на законотворчестве и юридических реформах. Парфюмеры предоставят восемьдесят образцов ароматов, ваше величество могут выбрать совершенно любой, но осмелимся порекомендовать седьмой либо девятнадцатый...»

Я согласна с вами. А теперь хочу выйти на улицу и увидеть, как идет реставрация дворца.

«Там совершенно не на что смотреть, ваше величество. Мастерские трудятся, слуги убирают парк...»

Стирают кровь с дорожек? Разбирают камнеметы? Сгребают ядра и обломки стрел? Я хочу взглянуть на это. Хочу увидеть, как хоть кто-нибудь делает что-то полезное!

«Всенепрерывно, ваше величество! Вы сможете гулять, сколько угодно вашей душе, но прежде извольте рассмотреть эскизы платьев...»

Шестьдесят четыре?

«Сто девяносто, ваше величество: каждый наряд – в трех вариациях. Мастера красоты помогут вам сделать выбор, однако вы должны увидеть все эскизы своими глазами. Выйдет конфуз, если однажды вам подадут неугодный вашему величеству наряд. А также нижайше просим вас взглянуть и на эскизы обуви. Всего семьдесят два варианта, все до единого достойны вашего величества. Некоторые представлены не рисунками, а натуральными образцами. Для наглядности приглашены девушки, телосложением и формой стопы немного похожие на ваше величество. Лучшие образчики обуви и платьев вы сможете увидеть в движении на живых моделях...»

Помилосердствуйте! Оставьте меня хоть ненадолго! Дайте хоть глоток уединения. Имейте каплю уважения к горю, позвольте мне оплакать Адриана!

«Ваше величество весьма мудры, что изволили вспомнить покойного владыку! Его кончина случилась столь внезапно и трагично, что до сих пор не удалось отыскать его августейшее тело. А отсутствие тела создает ситуацию опасного конфуза. Извольте видеть, вместе с трупом владыки был утерян Вечный Эфес – священный кинжал Блистательной Династии. Ритуал коронации включает в себя передачу Вечного Эфеса новому владыке и обнажение священного клинка в самую минуту возложения Звездной короны на чело. Отсутствие Эфеса породит тревожные роптания...»

Так вас волнует только Эфес?! Тело Адриана не найдено! Мы не можем предать его земле, прочесть молитвы, попроситься! Где-то в трижды проклятом Бэке рыбы гложут кости Адриана... а вас заботит ритуал?!

«Мы разделяем глубокую скорбь вашего величества. Вся столица, вся Империя скорбит о владыке! Но святые отцы заверяют, что душа его величества уже обрела полный покой на Звезде, откуда благостно взирает на нас. Душе владыки будет грустно видеть, если коронация пройдет шероховато. Наш долг перед ним – обеспечить идеальную гладкость церемонии! И

вот какое найдено решение в вопросе с Вечным Эфесом. Минуточку внимания – и ваше величество оценит все изящество выхода! Перед возложением на ваше благородное чело Звездной короны, вы изречете: „Страна устала от войны. Я клянусь беречь ее от новой крови, и, как знак этого решения, в первый день своей власти не возьму в руки клинок. Прошу не давать мне Вечный Эфес – символ воинской силы, но дать корону Звезды – символ мудрости и милосердия!“ Тогда обоснованное отсутствие Вечного Эфеса не вызовет никакой тревоги у зрителей. Корону возложат на вашу главу, и голубой алмаз на ее зубце засияет звездой веры в грядущий мир и благоденствие!»

На что похоже одиночество? На черную крупицу среди белого песчаного пляжа. На голоса сотен людей, что звучат неразлично, как один-единственный голос. Парфюмы... будет неблагоразумно... традиция... нижайше просим... народ будет счастлив... извольте видеть... парадная молитва... согласно ритуалу...

Что стоит за громкими словами о долге? Бесконечная череда мелких, пустых, никому не нужных обязательных дел. Такая, что хочется бежать без оглядки: в Уэймар, в Стагфорт, в рытье пещер, в сгребание осколков, в страх, в отчаяние... Куда угодно, во что угодно, но никогда больше не делать бесполезного!

Как меняется смысл слов от бесконечного повтора? Ваше величество должны... Вашему величеству следует... Ваше величество должны... Вашему величеству следует... Становится ли смысл глубже? Острее? Яснее? О, нет! Он тупеет и тяжелеет, обретает неумолимую ритмичность водяного молота. Поднимается с оборотом мельничного колеса и рушится на заготовку. Должны! Поднимается, влекомый течением реки, – и падает. Необходимо! Поднимается – и вниз, сминая железо. Никак невозможно! С каждым оборотом – ваше величество! На каждый удар – должны!

Ни одиночество, ни страх смерти, ни потеря близких не могли сделать того, что легко сотворил механический повтор. За две недели подготовки наследница престола была выжата, расплющена, лишена малейших признаков своеволия. Государственная машина – даже такая искореженная и поврежденная, какою сделал ее мятеж, – без труда обтесала наследницу, придала ей нужную форму и вынудила возвращаться в верную сторону от трех простых слов:

«Ваше величество должны».

* * *

Дня коронации Мира не запомнила.

Она все сделала как нужно. По крайней мере, никто не сказал: «Вашему величеству не следовало...»

В памяти остались лишь два эпизода.

Герцог Ориджин похвалил ее парфюм:

– Прекрасный аромат, миледи. Запах женщины, а не короны.

Герцог был наряжен в белое с серебром, блестел, как острие шпаги, и выглядел на десять лет моложе, чем в дни осады. Он вызвал у Миры глубочайшее омерзение... Но он говорил как человек, не механизм. Его голос она выделила бы из любой толпы.

А после парадной молитвы дряхлая архиматерь Эллина забыла благословить императрицу: молча пялилась бледными пустыми глазами. Минерва растерялась и, в свою очередь, забыла заплакать. Пауза все тянулась, мать Корделия шипела Эллине: «Ваше святейшество! Ваше святейшество!», – а та пряталась где-то в глубине себя и только шмыгала носом, соплив от холода. Тогда Мира взяла ладонь архиматери и тронула ее пальцами свой лоб. Зачем-то сказала от имени Эллины:

– Долгих лет силы и власти. Рука Янмэй на вашем плече.

И сама же ответила:

– Всем сердцем служу Праматерям и народу.

Ночью, когда все кончилось, Мира напилась.

Была пьяна трижды в жизни. Первый раз – здесь же, во дворце, на летнем балу, тысячу лет назад. Второй – в Уэймаре, с нерадивыми солдатами графа Виттора. Третий – снова во дворце. Только в этот раз не по случайности, а целенаправленно, методично, с ясной целью: заглушить грохот механического молота. Ваше величество должны!.. Нет, не сейчас. А если и должна, то все равно ничего не могу, кроме жалеть себя и пить стопку за стопкой. И плакать – вот когда пригодился порошок на ресницах.

Минерва, ты – ничтожная плакса. Отец отрекся бы от тебя, Адриана бы стошнило. Да что там, меня и саму тошнит, еще как. Зато я знаю одного человека, кто оценил бы. Нора из монастыря Ульяны – вот кто умеет жалеть себя! Мастер слез, магистр самоуничтожения! Тебе, Минерва, еще учиться и учиться. Но теперь ты знаешь верный способ расплакаться: надень корону – зарыдаешь.

Она пила, и становилось тепло. От хмеля, от жалости к себе, от собственной шутки, от того, что назвала себя по имени... Минерва!.. Как же красиво меня зовут! Хотя что-то есть во мне красивое. Минерва Джемма Алессандра!.. Ваше величество... В холодную тьму это величество! Я – леди Минерва! Самое прекрасное имя во всей Империи Полари! Леди Мне... тьфу! Язык заплетается. Нужно чрево... чередовать: вечер пафоса, затем вечер пьянства. Иначе подводит язык...

А теперь я выпью за свое чувство юмора. Ведь оно есть, несмотря ни на что! Имя, чувство юмора, склонность к пьянству – кое-что от тебя прежней осталось, а, Минерва? Не все расплю... распще... разбито о наковальню. Добавила бы еще любовь к кофе, но это глупость. Кофе помогал думать, а теперь к чему это? Я – императрица. Мое дело – носить платья и пахнуть. Мышление – для бедняков!

Дорогая Минерва, как же сильно я люблю тебя! За имя, за чувство юмора, за все, что не расплющилось.

И до чего же тепло...

* * *

Назавтра, вспоминая этот вечер, она думала: вероятно, нечто подобное чувствуют любовники, оказавшись в постели. Любовь, тепло, все возможно и никаких лишних мыслей. Если так, могу понять, почему им хочется этого снова и снова.

Похмелье, конечно, взяло свое. Если верить романам, оно и у любовников бывает: проснуться в одной постели – не всегда так же радостно, как вместе уснуть. Но Мира вспомнила один из житейских советов Инжи Прайса и потребовала, не вставая с постели:

– Принесите орджа. Сейчас же!

«Вашему величеству не следует», – ответила машина ртом кого-то из прислуги.

– Моему величеству не следует? Вы указываете императрице Полари?! Надеюсь, меня подвел слух!

Фраза вышла далеко не такой звучной, как хотелось: Минерву ужасно тошнило, через два слова она глотала слюну. Но слуга понял намек, улетел стрелой и за минуту вернулся с чашей. Она выпила. Тошнота улеглась, блаженное тепло заструилось в жилах. Как хорошо!.. Теперь я точно знаю, о чем любовные романы: это изысканная метафора для крепкой выпивки!

«Первый секретарь просит ваше величество принять его», – скрежетнул механизм, доставивший ордж.

– Пускай заходит.

«Но ваше величество в постели!..»

– Надо же, вы заметили...

К приходу секретаря Мира успела выбраться из кроати, облачиться в халат и усесться за туалетный столик. Спасительный кубок орджа она не выпускала из рук.

«Ваше величество, желаю доброго утра. Его светлость лорд-канцлер нижайше просит вас подписать указы о назначении...»

– Его светлость – кто?..

«Лорд-канцлер Эрвин София. Герцог Ориджин вчера произведен в это звание высочайшим указом вашего величества.»

– Неужели?..

«Вы поставили подпись под указом.»

– Но текст составил сам герцог? Надо же, он тоже любит красивые слова...

«Ваше величество, лорд-канцлер просит утвердить назначения.»

Секретарь сунул ей ворох бумаг. Мелькнула мысль: вот оно – важное. Государственное дело, о каком ты мечтала. Прочти, вникни: что за должности, что за люди? Встреться с каждым, опроси, проверь. Конечно, все они – ставленники Ориджина, тут нет сомнений. Но они могут быть умницами, мастерами своего дела, а могут – тупыми вояками, взятыми лишь за собачью преданность герцогу. Разберись, Минерва. Вычеркни тупиц, карьеристов, солдафонов. Если герцог хочет ставить своих людей, то пусть хотя бы выберет достойных.

Она хлебнула из кубка. Новая волна тепла разлилась по венам, наплатила все тело, вплоть до пальчиков босых ног, утопающих в пушистом ковре. Как хорошо все это!.. Почему я раньше не додумалась?..

И вдруг она с полной ясностью представила себе весь день.

Я позвоню в колокольчик, прибегут служанки. Придется постоять, пока меня оденут, зашнуруют все завязки, застегнут пуговицы, нацепят украшения, расчешут волосы... Полчаса, никак не меньше. Зато все это время я не выпущу из руки кубок. Потом будет завтрак. Я улыбнусь герцогу и его волкам, ведь таков мой долг: безопасность Короны, крепость государства... Скажу комплимент братьям-Нортвудам, отчего нет? Разве они виновны в чем-то, кроме беспроектной глупости? Спрошу о здоровье Лабелина с его отпрыском... Право, это прелестно: Ориджин изнасиловал и унизил их на глазах всей Империи, а теперь Лабелины сидят рядом с Ориджином, говорят о погодке, как милые кумушки. Я найду в себе силы порадоваться этому абсурду.

После завтрака меня переоденут – еще полчаса времени впустую. Но я попрошу кого-нибудь почитать вслух любовный роман, это скрасит одевание.

Потом меня приведут в кабинет и подсунут ворох отчетов. Такое бывало и до коронации, так что я уже знаю: никакого смысла их читать. Там окажутся ничего не значащие списки гостей; бывшие герои, представленные к наградам посмертно; перечни прошений, в которых отказано; требования денег, которые казна не удовлетворит. Я не увижу отчетов о работе полиции, сборах налогов и пошлин, перемещении войск – ни о чем, что дает Короне силу. Нужно будет поговорить с герцогом. Вытребовать, выкусить у него нужные сведения... Но позже. К чему спешить?..

Затем, когда я сделаю вид, что прочла отчеты, секретари изобразят, будто им есть до этого дело и попросят моей оценки. Я скажу, что все идет наилучшим образом. Ведь если скажу иное, меня все равно убедят, что лучше быть не может.

Потом я приму откуда-нибудь послов с какими-то поздравлениями. Нужно будет поблагодарить со всей сердечностью, и я смогу. Я – чемпион по сердечности. Я растопила души Северной Принцессы и наемного убийцы.

Наступит обед: он официальнее завтрака, неуместно улыбаться, нужно царственно кивать. Смогу и это, ведь я – кладезь талантов, разве нет?

После обеда – прогулка, осмотр реставрационных работ, одобрительные слова. Легко найду их, ведь я буду в соболином манто! Дама в соболином манто просто не может сказать иных слов, кроме одобрительных, но с явною ноткой снисхождения. «Ваше трудолюбие достойно похвалы. Работы движутся быстрее, чем я ожидала...»

Затем чай в салоне, где кто-то из прихвостней герцога спросит моего совета в каком-то деле, чтобы герцог мог сделать наоборот. Затем переодевание и новая глава любовного романа. Так вот зачем императрице шестьдесят четыре платья – ради повода послушать чтение!..

Придет вечер, и дамы (надо же, они таки появились при дворе!) соберутся в музыкальном салоне, чтобы чем-нибудь блеснуть: крадеными остротами, фальшивым талантом, настоящими алмазами – хоть чем-то. Я буду царственно кивать (опыт, опыт!..) и расточать комплименты. Все это очень смешно, но шутить нет смысла. Мое величество не должны, мое величество будут благоразумны.

Потом наступит ужин, а за ним танцы – ведь нынче праздничный день, как никак. Я даже станцую с кем-то. К счастью, не с герцогом: «Ах, мы не должны, ведь это повод для криво-толков...» С Дональдом Нортвудом – пусть. Он хороший мальчик... дурак, но хороший. И у него сломана челюсть, танец с ним – все равно, что благотворительность. Мое великодушное величество. Ах!..

А потом...

Мира сладко улыбнулась при мысли о «потом».

Потом я вернусь сюда, прогоню всех, запру дверь. Начну с вина, а продолжу орджем. Начну в кресле, продолжу в постели – как полагается в романах. Разденусь сама, позволю себе такое удовольствие. После каждой снятой вещи – глоток наслаждения. Заберусь под одеяло и стану жалеть себя. Читать про любовь, пить и жалеть – поочередно. Порадую себя всеми остротами, что накопились за день. Истерзаю себя мыслями об одиночестве. Расплачусь над страницами – надо попросить порошка для глаз... Я одна за стеною тоски. Печальная императрица Минерва... Боги, как это красиво! Кто бы написал роман обо мне?..

Да, нынешним вечером я снова напьюсь. И завтрашним. И каждым, пока делаю вид, что правлю этой чертовой страной. Нужно находить удовольствие в своей работе!

Она кивнула секретарю с подлинно царственным видом и принялась подписывать назначения. Министр двора... Первый секретарь... Второй церемониймейстер... Начальник стражи... Не глядя в текст, она выводила слово и отшвыривала листы.

Минерва.

Какое красивое имя!..

Спутники – 2

Мелоранж и его окрестности (герцогство Литленд)

– Вот дерьмо же, – сплюнул Ней, когда они были далеко от шатра Корта. – Дранные хвосты. Гнилое мясо.

Чара не раскрывала рта. И чем больше Ней сквернословил, тем угрюмее она молчала. Странно, ведь это Ней всегда был спокойным и молчаливым, а Чара – вспыльчивой и гневливой.

– Что с тобой неладно? – спросил он.

– А с тобой – ладно? – огрызнулась Чара.

– И со мной неладно. Лысые хвосты – вот что со мной. Но почему ты молчишь?

Тут он сообразил, почему.

– Постой-ка. Ты что же это...

Ней развернул ее к себе и заглянул в глаза:

– Ты решила, мы сделаем то, что хочет Корт?

– А есть выбор?

Ган – это значит путь. Ган – это всадники, что ездят вместе, деля судьбу друг с другом. Ганта – вождь, человек, что указывает путь. Если ганта приказал, спорить – не дело всадника.

Но самое дорогое, что имеет всадник, – это свобода. Всадник идет за вождем, всадник уважает вождя, но всадник – не раб. И если приказ вождя – полное паскудство, то всадник может наплевать на него.

Неймир сказал об этом, Чара ответила:

– Не только в приказе дело. Мы должны ему, а я плачу свои долги.

– Я тоже. Но странно платить долг жизнью не врага, а собрата.

– Мы должны Карту жизнь. Ему и решать, чья нужна.

– Но мы – не наемные убийцы, чтобы идти на грязное дело. Я плачу свои долги в сражениях.

Чара тряхнула головой:

– Так ведь дело и не в долге. За Кортом правда. Моран обезумел от жажды мести и погубит орду.

– Он – хороший полководец. Он выиграл три битвы, а проиграл лишь одну.

– Ней, ты знаешь, о чем я. Моран хочет мстить Литлендам. Все дорогое, что есть у Литлендов, осталось в джунглях. Рано или поздно Моран прикажет идти в джунгли. Там и погибнем, как все прочие, кто туда сунулся.

Ней тяжело вздохнул.

– Чара, я понимаю тебя. И почти во всем согласен. Но не лежит душа к такому! Мерзкое дельце, шакалье. И паскудней всего то, что потом нас убьют. Жили всадниками, а умрем шакалами.

– Не умрем, – сказала лучница. – Многие в орде ненавидят Морана. Если убьем его и выйдем из его шатра живыми, то никакого суда не будет. Слишком многие скажут: «Правильно сделали!»

– Если выйдем. Вот только шатер Морана стерегут две дюжины лучших его всадников. Как пройдем сквозь них?

– Мы с тобой семерых стоим.

– Семерых обычных воинов, но не двух отборных дюжин!

Он видел, что не убедил ее. Если Чара вбила что-то себе в голову, то сложно переспорить. И хуже всего, сам Ней понимал: она почти права. Почти. Но все же, не полностью.

– Сделаем так, – решил Ней. – Сперва поговорим с ним.

- С Мораном?
- Да. Узнаем его планы.
- Он не скажет. Когда это он с простыми всадниками делился!
- Может, не скажет. Тогда убьем его. Может, скажет, и план окажется безумием. Тогда тоже убьем. Но может статься, у Морана найдется хороший, толковый план, который даст шансы на победу. Тогда ты согласишься со мной.
- Вряд ли что-то выйдет. Глупо все это.
- Ней посмотрел ей в глаза:
- Чара, я ведь не спрашиваю. Я решил, что поговорю с Мораном. Ты мне не мешаешь. Он тоже бывал чертовски упрямым. Реже, чем Чара. Но тверже.

Как Ней и ожидал, вокруг шатра Морана Степного Огня несли вахту человек двадцать. Большинство сидели или лежали без дела. Кто чесал языком, кто жевал коренья, кто дремал, кто правил клинок, нашивал бляхи на куртку, чистил ножом под ногтями. Но оружие у всех было наготове. И Ней знал многих из них: всадники с именем, умелые, достойные. Если дело дойдет до драки, мало надежды пробиться сквозь этот отряд. Очень мало. Чара тоже оценила шансы и гордо вскинула подбородок.

А вот в шатре оказалось только четверо. Пара шаванов-телохранителей, ганта Гроза – правая рука Морана, и сам Степной Огонь. Синеглазый вождь был, на взгляд Ней, излишне беспокойным: все время находился в движении, расхаживал туда-сюда, перебирал пальцы на ремне. А если и замирал на минуту, то все равно чувствовалась в нем бурлящая сила – как кипятик под крышкой. Неймир знал по опыту: слишком горячие да ретивые в бою гибнут первыми, а долго живут те, кто знает цену выдержке. Но Моран Степной Огонь нарушал правило: двадцать лет в седле и чертова уйма боев за плечами, а все еще живой. И все такой же бурлящий.

Сейчас Моран шагами мерил шатер и чеканил слова. Ганта Гроза, скрестив руки на груди, слушал приказы.

– ...их будет не меньше шестнадцати. У обезьян солдаты сложены в четверки, четверки – в святые дюжины. Поймаешь одного разведчика – знай, что всего их шестнадцать. Возьми всех до единого. Пришлют еще святую дюжину – возьми и ее. Вылови всех поголовно, кто следит за нами. Ни одного обезьяньего глаза на моей орде!

- Да, вождь.
- Выстрой из дозорных кольцо вокруг лагеря. Такой ширины, чтобы попались все, кто вздумает шпионить. Нужно пять миль – делай пять. Нужно десять – делай десять. Не хватит твоих всадников – я дам еще.
- Да, вождь.
- И найди мне птичника.
- Помню, вождь.
- Ступай.

Ганта Гроза кивнул и вышел. Осталось трое: Моран и пара телохранителей. Если мы действительно стоим семерых... и если сделать все быстро и тихо, чтобы не всполошились те, снаружи... Мысли Чары звучали так громко, что Ней ясно их слышал.

Моран Степной Огонь остановился, положил ладони на пояс – будто удерживал себя на месте. Вперил взгляд в Ней:

- Кто такие?
- Неймир и Чара, всадники ганты Корты.
- Неймир и Чара Спутники?
- Да, вождь.
- Вас зовут так потому, что уже пять лет ездите вместе и не расстаетесь?

– Верно, вождь.

– Прежде тебя звали Неймир Оборотень. Ты нанимался в Шиммери, Дарквотере, Мельничьих Землях, и везде считался своим. Ты знал нравы всех земель по правому берегу Холливела, умел говорить, как говорят местные, мог сойти за жителя любого края, кроме северного.

– И сейчас могу.

– А твою спутницу раньше звали Чара Без Страха. Говорят, она родилась с луком в руках и с восемью лет не встречала никого, кто напугал бы ее.

– С семи, – поправил Ней. – Чаре было семь, когда степной волк загрыз под нею лошадь.

– С-семь... – свистяще протянул Моран. – Говорят, вы двое стоите семерых воинов.

– Так говорят.

– И это правда?

– Не мне судить.

Моран сорвался с места, прошагал взад-вперед, кивнул сам себе.

– Семь – мое любимое число. Хорошо. Пошлю семерых разведчиков. Одну тройку, двух поодиночке, и одну пару. Парой будете вы.

– Куда, вождь?

– В самое логово – в Мелоранж.

Степной Огонь полоснул взглядом по лицам Спутников, ища тени страха. Чара и глазом не моргнула. Нея же пугал не Мелоранж, а то, что случится прямо здесь через какую-то минуту.

– Зачем?

– В Мелоранже стоят шиммерийцы со своим принцем Гектором. Они приплыли по морю. От Мелоранжа до моря далеко. Южане оставили корабли в каком-то порту. Выведайте, в каком.

– А зачем это тебе?

Моран моргнул, будто не понял вопроса.

– Повтори-ка.

– Я спросил, вождь, зачем тебе знать, в каком порту корабли шиммерийцев.

Моран подошел так близко, что Ней почувствовал жар от огня в его жилах.

– Ты хочешь услышать мои планы?

– Да, вождь.

– А если я не скажу?

– Тогда, боюсь, тебе понадобится другой разведчик.

Моран замер – руки на поясе. Ней видел, каких усилий стоит ему неподвижность. Как жаждет свободы рука: только отпусти – выстрелит. Дольше живут хладнокровные... Но, кажется, не сегодня.

– Ты уверен в своих словах? – спросил Моран Степной Огонь.

– Уверен, – не без труда ответил Ней.

Чара встала у его плеча:

– Мы не собаки и не северяне.

Моран побарабанил пальцами по поясу... и вдруг рассмеялся.

– Хороши! Ай, хороши! Люблю таких. В вас – душа Запада.

Чара холодно уточнила:

– Ты ответишь нам?

– Да. Слушай же, Чара Без Страха. Слушай, Неймир Оборотень.

Вождь снова принялся рыскать по шатру, словами размеряя шаги.

– Я думаю об одном человеке. Принц Гектор Шиммерийский – наш полувраг. Не так мерзок, как Литленды. Не так свиреп, как северяне, не так хитер, как император. Нам и делить-то с ним нечего: горы стоят между нашей землей и его. Но этот глупец зачем-то сунул нос в чужую войну. Позволил тирану обмануть себя, а может, купить. Назвался нашим врагом легко, будто враждовать с нами – детская шуточка. Я хочу проучить его за глупость.

Моран шаркнул ногой по земле и презрительно скривил губы.

– Воины Гектора – ползуны. Две трети шиммерийского войска – пехота. Южане взяли с собой мало коней, поскольку плыли кораблями. Лиши их кораблей – они станут неповоротливы и жалки, как черви. Сожги флот – и южане будут прикованы к Мелоранжу. А Шиммери – их роскошное золотое королевство – останется без защиты.

Ней протер глаза, будто это помогало понять смысл.

– Вождь, мы пойдем в Шиммери?

Моран хлопнул его по плечу:

– По душе тебе задумка, Неймир Оборотень? Многие шаваны, как ганта Гроза, продают южанам своих пленников. В Шиммери идут корабли с людьми, а обратно везут золото. Это значит, золота у шиммерийцев хватает. Отчего нам не взять его?

– Отличный план, вождь, – выдохнул Ней, чувствуя, как с души падает груз.

– Тогда кончайте артачиться, слушайте задание.

Моран присел и расстелил на земле карту герцогства.

– Умеете читать?

Чара гордо задрала подбородок, как всякий раз, когда чувствовала в чем-нибудь свою ущербность. А Ней кивнул:

– Я умею.

– Смотри. Здесь мы, а вот Мелоранж. Ближайшие к нему гавани – в этих трех городах.

Неймир нашел взглядом морское побережье и три точки с якорьками, подписанные: Мейпл, Колмин, Ливневый Лес. Ближайшим был Мейпл – всего сорок миль от Мелоранжа, но дорога в него шла прямо через степь, то есть, была опасна для шиммерийцев. Ливневый Лес лежал в шестидесяти милях на северо-востоке, укрытый лоскутом джунглей. В джунгли шаваны не полезут – так считают враги.

– Думаю, вождь, они выберут Ливневый Лес.

– Я тоже так думаю. Но духам войны плевать, кто что думает. Нужно знать наверняка. Оденся южанином, а Чару представь своей альтессой. Езжай в Мелоранж, смотри, слушай, говори с людьми. Выведай, в каком порту корабли принца Гектора и долго ли они там простоят, и сколько с ними охраны. Едва узнаешь, ветром лети ко мне.

– Сделаю, вождь.

– Возьми денег, пригодятся, – Моран сунул ему увесистый кошель. – И ступай.

Ней помедлил.

– Позволь еще вопрос.

– Позволю или нет, ты все равно спросишь. А вот ответить ли – дело мое.

– Говорят, у Литлендов есть дочка – наездница по имени Ребекка. Говорят, вождь, твое сердце о ней бьется.

Моран сверкнул глазами:

– А что еще говорят?

– Что она спасла тебе жизнь. Не будь ее, лег бы в пыль вместе с Дамиром Рейсом.

– И кто это говорит?

– Полагаю, ты сам. Ведь из засады у Литлендов вернулся ты один. Кто же еще мог рассказать, как было дело?

– Х-ха. Если я сказал, то можно верить. Так все и было. У шакалов-Литлендов дочь оказалась человеком. А что спросить-то хотел?

– Я слышал, ты зарекся: без нее не уйдешь от Мелоранжа. Но теперь говоришь, пойдем в Шиммери. Стало быть, в этом слухи ошиблись?

Моран Степной Огонь оскалил зубы:

– Не волнуйся за меня, Неймир. Рано или поздно возьму свое. У Запада долгая память.

* * *

Королевство Шиммери, тонущее в богатстве, всегда было лакомым плодом. Но никогда вожди степей не покушались на него. Тому было три причины. Во-первых, вековые традиции мира меж Западом и Югом, укрепленные обильной торговлей. Во-вторых, внутренние распри между шаванами, мешающие дальнему походу. И, в-третьих, крутые горы на пути. Горы сами по себе не пугали западников, но преодоление их требовало много времени. А если шаваны так надолго покинут родные степи, то не нагрянут ли в это время извечные враги? Не станет ли Запад колонией ненавистных Ориджинов?..

Но сейчас все три помехи устранены. Северные волки заняты войной с тираном и выйдут из нее обескровленными. Шаваны в кои-то веки сплотились под сильной рукой единого вождя. И шиммерийцы сами открыли тропу войне, встав на сторону врагов. Моран Степной Огонь великолепно выбрал время для атаки на южное королевство. Учитывая настрои внутри орды, план Морана удачен вдвойне. Суровая дисциплина злит шаванов, голод разрушает боевой дух, орда вот-вот взбунтуется. Но бескровная победа и богатые трофеи быстро поднимут настроение, всадники вновь полюбят вождя.

Скача на север от лагеря, Неймир думал о том, как хорошо все обернулось. И, думая, то и дело посматривал на спутницу. Чара не выдержала, огрызнулась:

– Да, знаю, ты был прав. Хватит уже!

– Я ничего не говорю.

– Хватит думать, как ты был прав!

– Ладно, не злись.

Но если Чара вздумала позлиться, то сложно отговорить ее.

– Мне все это не по нраву. Гнильем пахнет.

– Что?

– Все! Моран сказал нам план, и ты обрадовался. А почему он ганте Корту не сказал? И остальным шаванам? Пол-орды против него. Сказал бы – все бы мигом успокоились!

– Думаешь, в орде нет шпионов? Скажи Моран всем – узнают и враги.

– А в нас он так уверен, что душу распахнул?

– Так мы же – Спутники! Нас весь Запад знает!

– Ну, конечно! Мы хотели убить Морана, не забыл? Я держала руку на поясе, когда он тебя запугивал. Одно его движение – проткнула бы насквозь. Так почему он нам доверился?

– Он же не знал, что у нас на уме.

– Мог почувствовать! Неужто мы его обманули?

– Я – Неймир Оборотень, не забывай. Я обману любого.

– Ну, конечно!..

Чара стеганула ни в чем не повинного коня.

– Кончай свирепеть.

– Почему?

Ее вопрос был резонным. Чара любит злиться. Если их убьют в Мелоранже, она лишится этого удовольствия. А если не убьют, то Моран поведет орду в Шиммери, все станет очень хорошо, и поводов для злости не будет. Похоже, сейчас – самое подходящее время.

– Ладно, злись.

– Благодарю за разрешение, мой повелитель!

Она рванула в галоп и оставила Нея за спиной. Он нагнал спутницу, когда над горизонтом уже маячили стерженьки башен.

Мельвилль.

То был торговый городок на развилке путей. Жители оставили его, когда приближалась орда. Однако Моран Степной Огонь провел войско южнее, и лишь несколько фланговых отрядов наведались в Мельвилль. Всадники нахватали кое-каких трофеев – спешно, по верхам, оставив в городе много ценного. Покинутый Мельвилль сделался приманкой для мародеров. Они-то – мародеры из южного войска – и были нужны Спутникам.

Чара с Неем въехали в город на закате. Живыми людьми здесь и не пахло. Дома зияли выбитыми окнами, распахнутыми дверьми. По улицам пестрели осколки посуды, обломки мебели, лохмотья. В опрокинутой бочке шарил серый зверь – не то пес, не то шакал, кто его поймет. Подняв голову, удивленно тявкнул на всадников: мол, что вы тут забыли?

– Вряд ли мы кого встретим, – сказала Чара. – Из города все уже вынесли, что стоило хоть гроша.

– Не все, – ответил Ней. – В городе много вещей, так быстро не вынесешь. А если и все, то не все мародеры об этом знают. Кто-нибудь придет убедиться...

Они выехали на центральную площадь – между разоренным храмом и сожженной ратушей. Огляделись. Грабить своими руками Спутникам давно не приходилось. В орде бытовал такой порядок: после штурма младшие воины и рабы проходились по домам, сгребали все ценности в одну большую кучу, из которой трофеи делились между шаванами. Бывалые же всадники рук не марали, трудились в бою, а не после него.

– Скажи мне, Оборотень, Знаток Нравов: будь ты южным мародером, куда бы пошел?

– Ну... – Ней поскреб щетину. – Сперва, конечно, в церкви и дома богачей. Потом в ратушу. Но это все разграбили еще в первые дни. Тогда пошел бы в кабаки да постоялые дворы. Но и там всюду уже побывали. Так что, пожалуй, просто ехал бы по улице, выбирал не самые разбитые дома.

– Поехали.

Они двинулись от площади по самой широкой дороге. Серый пес-шакал бежал следом, держась на расстоянии.

– Вот этот на что-то похож, – Чара показала трехэтажный дом, который сохранил несколько целых стекол.

Ней оглядел другую сторону улицы. Напротив трехэтажного и чуть впереди стояла не приметная лачуга.

– Наше место, – сказал Ней.

Они спрятали лошадей, отпугнули шакала, чтоб не крутился под ногами, и вошли в лачугу. Здесь была гончарная мастерская: каменный круг на оси, пятна глины, черепки. Полки на стенах зияли пустотой – кто-то смел на пол всю посуду. Из мастерской дверь в кухню. Туда не хотелось заходить, до того смердело протухшей пищей. Поднялись вверх. Весь второй этаж занимала одна комната: скамья, опрокинутый шкаф, большая кровать, детская колыбелька. Это жилище – сырое, грязное, тесное – дышало нищетой и убожеством. А на кровати горкой белели подушки – единственное пятнышко уюта. Какая-то женщина, покидая дом в страхе перед ордой, все же потратила секунду, сложила подушки одну на другую. И мародеры их почему-то не тронули...

– Гнездышко, – бросила Чара.

Часто Ней без труда читал ее мысли. Чара презирала людей, привязанных к жилищу: рабы вещей, пленники в четырех стенах, заложники такого вот убожества. Неймир разделял ее чувства, но мог понять и тех, кто жил в этом доме.

– Скажи, Чара, когда мы захватим Шиммери и поделим трофеи, что ты сделаешь со своей долей?

– Пф! Захочу ли я купить домик с кроватью и складывать подушки стопочкой? А сам-то как думаешь?

– Дом теплее шатра, а постель мягче земли. Когда-нибудь нам будет столько лет, что это начнет иметь значение.

– Ага. Помню, ты хочешь дожить до старости. Никогда не понимала этой чуши.

Она оборвала неловкий разговор: с жутким скрипом вытащила скамью на середину комнаты. Встала на нее, глянула в окно, убедилась, что хорошо видит вход в богатый дом на той стороне улицы. Воткнула полдюжины стрел в доску скамьи. Перешла к окну, подняла раму. Выснулась, глядя вдоль дороги.

– Никого не видать... Возможно, твоя мечта сбудется: заночуем на подушечках.

Ней смотрел не на дорогу, а на спутницу. Женщина прогнулась вперед, ее ягодицы в кожаных штанах смотрелись так, что про все забудешь.

– У нас, похоже, есть немного времени... – Ней схватил ее за задницу.

Она обернулась с притворным возмущением:

– Ты о чем это мечтаешь?

Он притянул Чару к себе и сунул ладонь ей в штаны.

– Не мечтаю, а делаю.

Она задышала горячо и часто, подалась к Ней, стала расстегивать ремень. Он стянул с нее куртку и сорочку, смял ладонью грудь. Чара лизнула его в губы, укусила... И тут пес-шакал удивленно тявкнул на улице. Мол, а вы-то зачем явились?..

Чара отдернулась. Не тратя времени на одежду, сразу схватила лук, вскочила на скамью. Стоя в глубине комнаты, она оставалась невидима с улицы, но держала под прицелом вход в богатый особняк. Ней поднял меч, понимая, что он вряд ли пригодится. Звуки копыт приближались, и Ней мог различить число. Три всадника двигались по улице. Всего-то.

Наложив стрелу на тетиву, лучница замерла. Сощурились глаза; заиграли, напрягшись, мышцы плеча; ровно вздымалась грудь в такт дыханию – быстрому, но глубокому. Глядя только на Чару, не на врагов, Ней мог сказать, сколько секунд жизни им осталось. Вот она слегка склонила голову, поймав цель. Повела назад локоть. Вдохнула чуть глубже. Сейчас.

Выстрел. Вдох. Выстрел. Вдох. Выстрел.

Первый мародер еще не успел закричать, даже боли еще не почувствовал, когда стрела уже летела в последнего. Все трое свалились одновременно, как по команде. Чара опустила лук.

Сотни раз Ней видел, как она стреляет. Но все же...

– Красиво, – сказал он с чувством.

Чара и бровью не повела – как всякий раз, когда ей было чем гордиться.

Собираясь на дельце, мародеры-южане оделись в мещанское платье. Никаких мундиров, никаких кольчуг, чтобы по возвращении не попасться на глаза какому-нибудь офицеру. Простая южная одежда – именно то, что нужно.

– Тирья тон тирья, – сказал трупам Ней перед тем, как начал раздевать. Они были мародеры, но все же воины.

* * *

Мелоранж походил на три города один в другом. Герцогский замок – первый город, самый крепкий и высокий, но крохотный. Вокруг него второй – дома вельмож, купцов, священников, успешных мастеров, охваченные каменной стеной. Вокруг – третий город: лабиринт лачужек городской бедноты. Этот третий город оборонялся лишь земляным валом да деревянным частоколом, но размеры его впечатляли: понадобился бы не один час, чтобы обскать по кругу.

Ворота были раскрыты настежь. Странная беспечность, когда орда стоит в неделе пути. А может, в том и дело: Литленды показывают, что не боятся шаванов. Убеждают в своей смелости то ли простых горожан, то ли самих себя. Тьхе.

Подъезжая к воротам, Ней вспомнил Шиммери. Оркаду – город, в котором прослужил три года. Убийственное солнце; искристое море, словно усыпанное алмазами; мраморные дома в узорах; крытые мостики над улицами; двуногих мясистых птиц, запряженных в повозки; водоносов и чистильщиков сапог; уличные сладости и чайные дома; холеных дам под зонтиками... Он сказал стражникам в воротах:

– Тенистого дня вам, уважаемые.

И те не подумали спрашивать, кто он такой. Поговору ясно – славный торговец из Шиммери. А вот у Нея возник вопрос:

– Скажите-ка, отчего на ваших копьях черные ленты? Не случилось ли беды?

– Случилась, славный. Великая беда.

И стражник рассказал о смерти владыки Адриана.

– Что думаешь? – спросил Ней у спутницы, ибо подумать было о чем.

– Поделом ему, – ответила Чара.

– Ясно, поделом. А что вытекает из его смерти?

– У нас теперь на одного врага меньше.

– Ага. Но хорошо ли это? С одной стороны, хорошо: владыка больше не поможет Литлендам. Да и тот имперский полк, что остался в Мелоранже, глядишь, и не захочет теперь сражаться. Но с другой стороны, есть риск. Мы шли бить тирана, а теперь он мертв. Шаваны захотят разойтись по домам. Морану еще сложнее будет удержать в руках орду.

Чара скривилась:

– Ты же знаешь, Ней: мне политика – темный лес. Имеем дело – вот и давай его делать. О политике пускай думает Моран.

– А вдруг наше дело уже никому не нужно? Может, теперь, после смерти Адриана, принц Гектор – больше не враг? Или, может, Литленды теперь сами сдадутся?

– Они сдадутся еще быстрее, если сожжем шиммерийский флот. Узнаем, где он, и расскажем Морану. Не морочь меня своей политикой.

Порою Чара слишком простодушна. Мир сложнее, чем ей хочется. Но сейчас она, пожалуй, права.

– Угу... – кивнул Неймир.

Они шли вглубь города, присматриваясь к людям. Смерть владыки потрясла литлендцев. Траурные ленты чернели на большинстве окон, люди горестно опускали глаза, некоторые без стеснения плакали.

– Малые дети, – фыркала Чара.

Но Ней понимал, что их равнодушие вызовет подозрения, потому нацепил на лицо печальную гримасу. Встречаясь взглядом с людьми, сокрушенно качал головой:

– Боги, какая утрата...

Это давало и повод разговариваться. Ней начинал с соболезнования, потом невзначай спрашивал о жизни, о городе. Так он узнал, где можно вкусно поесть и недорого заночевать, а также и о том, где квартируются шиммерийские полки. Спутники перекусили в трактире, но комнату пока не брали: вдруг удастся быстро все вывести и до ночи покинуть город? Направились в район, занятый шиммерийцами.

Чара была лучницей, сколько себя помнила, однако никогда не служила в регулярной армии. А вот Нею довелось послужить, и он знал: в любом регулярном войске есть парень, который все обо всем знает. И это – отнюдь не полководец, а главный кладовщик. Какую амуницию выдать, на сколько дней похода готовить припасы, какие отряды оснастить в первую

очередь, от кого и какие трофеи принять на склад – по этим черточкам толковый кладовщик узнает о боевых действиях все, что только можно.

Потому Ней, оставив Чаре лошадей и оружие, принял самый беззаботный вид и вошел в расположение шиммерийского полка. Когда часовые остановили его, Ней сказал:

– Любезные воины, я – Ней-Луккум, славный торговец из Оркады. Я очень хотел бы повидать главного кладовщика вашего войска.

Часовые озадачились:

– Стало быть, ты не знаешь имени майора Клай-Колона, но все же хочешь его повидать?

– Совершенно точно.

– Ты даже не знаешь, что должность по-военному зовется не кладовщик, а каптенармус, но все равно хочешь на прием?

Ней виновато развел руками:

– Откуда же торговцу знать военные слова? Спроси я вас, чем кредит отличается от профита, вы бы, небось, тоже стали в тупик. Но каптернаруса Клай-Колона я все же очень хочу повидать, ибо имею к нему выгоднейшее предложение.

– Убирайся, – часовой оттолкнул Ней. – Ничего ты майору не продашь. Торгашей тут столько вертится, что майор приказал: кто придет продавать – сразу гоните.

– Вы ошиблись, славные воины: я пришел покупать. – Он вложил гладиаторскую доспехи в руку часового. – Продайте мне пять слов о том, где найти майора Клай-Колона.

– Вон в том белом доме, – указал часовой.

Попасть к майору оказалось нелегко. Хотя он и квартировался в доме, указанном часовым, но на месте его не было. Когда вернется? Никто не знает. Важное дело, генерал вызвал, или не генерал, а кто-то еще. Когда-нибудь вернется, жди. Майор вернулся через час, но за это время к нему собралась очередь, и многие в ней были важнее торговца – лейтенанты, капитаны, даже один полковник. Снова пришлось ждать, а когда дождался, каптенармус снова исчез – у него обед. Надолго? Да кто же знает. Господин майор обедают не торопясь, от спешки желудок портится.

По двум причинам Ней терпеть не мог регулярную армию. Первая – низкое жалованье, а вторая – вот это болото: никто ничего не знает и вечно нужно ждать. Но сейчас проволоочки были на руку: дали время пройтись, посмотреть, побеседовать с солдатами. Ней увидел больше хаоса и суеты, чем ожидал. Когда войско долго стоит на одном месте, солдаты тупеют от праздности – много играют и пьют, слоняются без толку, ковыряют в носу, приказы выполняют для виду, не для результата. Сейчас же было ровно наоборот: многие суетились, куда-то спешили с беспокойными лицами.

Ней поговорил с одним, вторым, третьим. Понял, в чем дело: солдаты не знали, что их ждет. Готовились к чему-то, не понимая, к чему. Император умер, и все изменилось. Шиммерийцы сражались за Адриана, но Адриана теперь нет, да и орда почти разбита. Принц Гектор хочет отвести армию назад в Шиммери. Герцог Литленд умоляет союзника остаться – боится орды, хоть и раненой. Принц, как подобает шиммерийцу, требует денег, и много. У герцога денег обмал, потому он ищет аргументов, но пока не нашел.

– Вот и не знаем, чего ждать, – говорили солдаты. – Если вельможи затянут переговоры, то будем и дальше торчать в Мелоранже. Если герцог убедит принца, пойдем добивать орду. Не убедит – сядем в корабли и поплывем домой.

Ней спрашивал невзначай:

– А корабли ждут вас или где-то ходят?

– Да ходят... Накладно такой флот держать у берега. Но, говорят, через недельку-другую куда-то причалят...

– Куда?

– А кто их знает?.. Только принц Гектор, да еще наш каптенармус.

У шиммерийцев хватало своих хлопот, они почти не интересовались личностью Нея. Иногда кто-то спрашивал, и Ней представлялся торговцем из Оркады. Тогда солдаты оживлялись и предлагали ему что-нибудь купить у них. В основном, бесполезный мещанский хлам, украденный где-то: лампадки, зеркальца, кухонные ножи, чашки, краску (якобы, для волос), щипцы (якобы, подкручивать усы). Один предложил сапоги – хорошие, из мягкой кожи, снятые с мертвого шавана. У Нея сильно зудели руки придушить мародера. Другой показал браслеты и цепь – вот их Ней купил, чтобы солиднее выглядеть при встрече с майором.

Наконец, каптенармус соизволил его принять. Майор оказался именно тем человеком, какой и был нужен: влюбленным в деньги. Ней понял это с первого взгляда: заказной мундир в золоте, толстые кольца на пальцах, богато обставленная комната – майор, видать, выбрал лучшую в квартале. Неймир не стал тратить времени, а сразу брякнул на стол горку серебра. Потом, конечно, объяснил, что он, Ней-Луккум, славный торговец из Оркады, что хотел нажиться на войне и преуспел – заработал денег на торговле целебными снадобьями, закупил по дешевке благовоний, что сейчас хранятся в Ливневом Лесу. Теперь перевезет товар в Оркаду и продаст втрое дороже, вот тогда можно считать, что война прошла не зря. Он изложил свою легенду по-южному многословно, пересыпая сладостями да красотами. И пока Ней говорил, кучка серебра заманчиво блестела на столе, притягивая взгляд майора. Под конец тот не выдержал:

– Что тебе от меня нужно, торговец?

В смысле, что мне сделать, чтобы забрать, наконец, эти деньги?

Ней ответил, что не хочет доверять ценный груз глупым морякам из Литленда. Куда лучше поплыть добрым шиммерийским судном. Но все шиммерийские суда конфисковал для военных нужд принц Гектор. Так не знает ли господин майор, когда вернется южный флот? В Ливневый Лес он причалит, или в другое место? И с кем договориться на счет того, чтобы кораблик взял на борт не только солдат, но и его, Нея, товар? Ведь часть солдат погибла в бою, и место в трюмах, поди, освободилось...

Майор первым делом сгреб монеты в ящик стола. Потом буркнул:

– Да, в Ливневый. Двадцатого января. Со мной договоришься, я ведаю погрузкой. Найди меня в Ливневом и денег еще принеси. Эти – только за сведения, а перевозку оплатишь отдельно.

– Премного благодарю, славный повелитель армейских складов, – поклонился Ней. – Имею еще один маленький вопрос. Я слышал, жадный герцог Литленд жметя, не желает достойно оплатить дружбу его высочества принца Гектора, и переговоры сильно затягиваются. Что, если войско не поспеет в Ливневый Лес к двадцатому января?

– Тогда подождешь.

– Я не о том, господин майор. Я-то подожду, а вот корабли – будут ли они в безопасности? Ведь война идет, все отребье рыщет в поисках наживы: и пираты, и мародеры, и контрабандисты. А флот в гавани – лакомая добыча...

– Две роты стерегут гавань. Успокойся.

– Нижайше вам кланяюсь за столь сладкие моим ушам слова.

– Иди уже, торгаш. Я занят.

Ней ушел, не скрывая улыбки. Две южные роты – ха-ха! Один ганта Корт со своим отрядом разделает их, если нападет внезапно.

Чара, встретив его, не стала расспрашивать – по лицу поняла, что все хорошо. Поговорить лучше позже, не у врага под носом. Сели на коней, двинулись к воротам. Уже вечерело, но еще вдоволь времени, чтобы покинуть Мелоранж и заночевать в степи под Звездой. Чтобы не привлекать внимания, ехали неспешно, глазели по сторонам, как и подобает приезжим в

большом городе. Спешились у лавки, купили еды в дорогу. Немного прошлись вдоль торговой улочки, поглядели, что продают ползуны. Одежда ли, посуда, домашняя утварь, женские штучки – все было какое-то пестрое, яркое, напоминало детские игрушки. Ради шутки Ней надел на голову спутницы розовую шляпку с лентами.

– Очень, очень хорошо! Красивая, как девочка!

Продавец захлопал в ладоши и дал Чаре зеркальце. Она негодуя фыркнула и отшвырнула шляпку.

– Ай-ай-ай, нехорошо... Снова стала как мужчина...

Чара позлилась немного, но быстро успокоилась. Встала у посудного лотка, взяла медное блюдо, наполированное до блеска.

– Купи, хозяйка! Всю семью накормишь – детки счастливы, любимый счастлив!

Лучница на полном серьезе принялась разглядывать блюдо, водя по нему пальцем. Что это с нею?..

– Тут вот царапина, – сказала Чара.

– Быть не может! Весь товар сам проверял! Все гладкое, как кожа младенца!

Она отмахнулась от продавца и показала блюдо Нею:

– Гляди-ка. Вот здесь царапина, где палец...

Он увидел, на что указывала Чара. В полированном блюде отражалась улица с прохожими. Старикашка в мещанском сюртуке стоял у одежной лавки и смотрел не на товар, который перебирал руками, а на них, Спутников.

– И вот еще...

Парень на той стороне улицы. Этот искуснее: пялится не прямо, а через отражение в окне. Но тоже явный соглядатай.

– Нам не подходит, – бросил Ней и вернул блюдо.

Как на зло, прыгнуть в седла и ускакать нельзя: улица слишком людна, коней можно только вести под уздцы. Чара поискала глазами какую-нибудь подворотню и постучала пальцами по поясу, на котором висел нож. Ней мотнул головой в знак запрета.

Пошли вдоль улицы. Он зашептал спутнице на ухо:

– Убивать нельзя. Поймут, что мы – разведчики.

– И что? Ускачем, нас не догонят.

– Я спрашивал о кораблях, мне сказали: Ливневый Лес. Если узнают, кто мы такие, смеют гавань.

– Лысый хвост! Что тогда делать?

– Я назвался торговцем, сказал: мой товар на складе в Ливневом Лесу. Спокойно уедем отсюда в сторону Ливневого. Шпионы доложат об этом хозяевам, подозрений не возникнет.

– Тогда не спеша к воротам?

– Нет. Вечер уже. Торговец и женщина на ночь глядя едут в степь – это странно. Лучше заночуем в гостинице, как обычные мещане. Утром поедем.

– Хм... Ладно.

Не торопясь, прошли улицу до конца, сели на лошадей, но двинули не рысью, а шагом. Спросили дорогу до хорошей гостиницы, поехали по указке. Сняли комнату – не лучшую, но и не дешевую, а достойную южного купца. Сытно поужинали, выпили, поболтали с людьми. Ней говорил с южным акцентом и не вызывал подозрений. Чара говором, цветом кожи, формой глаз походила на шаванку, но и это никого не удивляло. Покупная альтисса, что тут такого? Обычное дело для Шиммери. Кто-то из мужиков, подвыпив, даже стал выспрашивать у Нея, какова Чара в постели и где можно приобрести такую.

Старик-соглядатай разок забрел в таверну, для виду поклонился выпивки, нашел взглядом Спутников. Убедившись, что они сидят-пьют, никуда не собираются, вышел на улицу.

Позже Ней выглянул в окно и заметил его поодаль. Второй шпион, наверное, стерег задний выход. Значит, точно ночевать в гостинице. Среди ночи никто, кроме воина, не выедет в степь.

В комнате легли на мягкую перину, положив под головы подушки в белых наволочках. Привычная к твердой земле Чара все не могла уснуть, ворочалась, ругалась шепотом. А Ней спал сладко, как никогда: казалось, только закрыл глаза – и уже утро.

Встали с рассветом, спустились в харчевню, встретили слугу.

– Чего изволите, господа?

Спутники пожелали квасу и седлать лошадей. Квас им налили, а с лошадьми вышла заминка. Слуга, уйдя в конюшню, вернулся перепуганный:

– Господа, ваш жеребец артачится, чуть руку мне не откусил. Очень прошу, господа, успокойте его...

– Который конь?

– Гнедой.

– Мой...

Чара вышла, Ней остался потягивать квас. Что-то было не так с этим слугой, нечто странное... Ней не мог понять, что именно. Больно уж крепко он спал, сладкая дрема все еще заполняла голову. Мысли еле ворочались... Крепко спал... А почему слуга не спал? Рассвет, пустая харчевня. Мог подремать. Какого хвоста он на ногах?

Когда Ней вбежал в конюшню, там было четверо мужчин. Один держал Чару, придавив к шее нож. Другой натягивал тетиву, целясь в грудь Нея. Третий сжимал топор, четвертый – меч.

– Брось оружие, парень, – сказал мечник.

– Беги, – рыкнула Чара.

Из оружия Ней имел только кинжал. Остальное спрятал в степи – странно выглядит торговец с мечом и луком. Но и кинжал – это немало. Прыгнуть к тому, что с топором, перекатиться. Лучник стрельнет – промажет. Полоснуть по ногам, топорщик упадет – заколоть. Лучник выстрелит снова – закрыться трупом, в ответ метнуть кинжал. Схватить топор, пойти на мечника... Шансы есть, и большие. Но тот, что держит Чару, поймет: дело плохо. Захочет бежать, а с Чарой не побежит – бросит, вспоров горло. Ней выживет, Чара погибнет, план Морана рухнет.

Или – сдаться. Тогда, скорей всего, порешат обоих. Но есть шанс – крохотный, полногтя – спасти Чару, себя и план. Одна участь на двоих. Да, выбор ясен.

Ней заставил руку дрожать – на радость врагам. Двумя пальцами вытащил трясущийся кинжал, бросил на пол. Проблеял, чуть не плача:

– Добрые, славные разбойники!.. Я – успешный торговец, дружу с деньгами... Не делайте нам больно, я хорошо заплачу...

Мечник подошел к нему и ударил стальным навершием по затылку.

Искра – 2

Фаунтерра

Нельзя не признать: после коронации жизнь Минервы сделалась терпимей.

Исчезла бешеная спешка: срочно готовиться, наряжаться, короноваться – скорее, скорее, ради мира в стране! Теперь, кажется, мир. И корона, вроде бы, на голове. Куда спешить?

Пропал океанский вал заданий, что накатывал и захлестывал с головой. Причем каждое из них было совершенно бесполезно, но упаси Праматерь не сделать хоть одно! Нарушатся традиции, сорвется коронация, пошатнется Империя, полетят головы!.. Мира помнила, как просыпалась ночью в холодном поту от ужаса и начинала зубрить стихи парадной молитвы – ведь страшно представить, что будет, ошибись она хоть в одном слове!

Теперь и это позади. Дела, конечно, остались, и, разумеется, они были столь же бесполезны. Правление Миры сводилось к присутствию в различных местах: на трапезах, открытых приемах, праздничных молитвах, награждениях, вступлениях чиновников в должность. Вмешательства во что-либо от владычицы не требовалось, нужно было лишь появиться, важно кивнуть в подходящий момент, сдержанно похвалить кого-нибудь. Деревянный манекен легко справился бы с должностью владычицы, если бы некий колдун заставил деревяшку говорить комплименты.

Но очень радовало то, что теперь число дел пошло на убыль. Каждый день Мира вполне успевала побывать всюду, где нужно, и сохранить вечер свободным. Редко кто теперь говорил жуткую фразу: «Ваше величество должны...» Каждое утро ей подавали график, из коего ясно следовал план на день. Мира выполняла его, и никто не требовал большего. Казалось, кто-то – секретариат или сам лорд-канцлер – так дозирует поток дел, чтобы владычица все успевала, но не имела излишков свободного времени.

Миру это устраивало. Устраивали планы на день: выполняя их, она чувствовала гордость – пускай мишурную, картонную, но хоть какую-то. Устраивали переодевания и причисывания: всякий раз, как становилось скучно, один из секретарей развлекал ее чтением вслух. Радовали трапезы: было много вкусных сладостей, и она всегда велела подавать десерт как можно раньше. Своя прелесть имела и в протоколах, руководящих всею дворцовой жизнью. Они отнимали свободу, а со свободой вместе – и ответственность, необходимость решений, мучительные сомнения. В чем сомневаться, зачем решать? Достаточно просто заглянуть в дневной распорядок...

Радовало Миру даже одиночество. Ведь большинство народу вокруг – серая масса, винтики машины, о чем с ними общаться? Редкие живые люди – враждебны либо просто неприятны. Ориджин с его вассалами, Лабелины, Нортвуды, Аланис Альмера – век бы их не видеть. Была еще крохотная горстка старых друзей – Итан, лейтенант Шаттэрхенд с лазурными рыцарями. Почему-то теперь Мира сторонилась их. Пожалуй, потому, что в абсолютном одиночестве есть поэтическая красота, величие трагизма. А вот императрица с десятком воинов смотрится попросту жалко. Мира сама составила бумаги – свои единственные указы о назначениях. Итан сделался главой выездного отдела секретариата, Шаттэрхенд обрел чин капитана и командование лазурной ротой. Оба получили повышения и большие жалования, однако Итан теперь вовсе не попадался на глаза Мира, поскольку покинул столицу, а Шаттэрхенд сопровождал владычицу лишь в особо важные моменты, уступая повседневную вахту более низким чинам.

Порою мелькала шальная мысль, что не любовь к одиночеству причиной этому поступку, а главным образом – стыд. Трудно смотреть в глаза тем редким союзникам, кто берег ее как зеницу ока, возлагал на нее надежды, а теперь видит на троне говорящую куклу... И от этой мысли, как от искры, зажигалась другая: нужно что-то поменять. Вникнуть в настоящие дела, взять в руки хоть кусочек власти, обрести хоть долю реального влияния. Но эта мысль тут

же разбивалась о неподъемную, несокрушимую громаду государственной машины. Она – как искровой тягач, а Мира – как испуганный котенок на шпалах. Даже герцог Ориджин, штурмом взявший дворец, не развалил эту махину. Едва кончилась война, колесики вновь закрутились ровно так же, как раньше, с прежней убийственной четкостью. Так что может сделать восемнадцатилетняя девчонка?..

Зато теперь она знала, ради чего проживает день за днем: ради вечеров. Они наполняли ее теплом и радостью, как и тогда, в ночь после коронации.

Быстро уловив вкусы ее величества, слуги поставляли каждый день новый сорт вина, либо чего-нибудь покрепче. Каждый напиток был по-своему великолепен, не зря же удостоился места в императорской коллекции. Мира с полудня начинала фантазировать о вкусе нынешнего вечера, и никогда не разочаровывалась. Приправую к вину служили насмешки над абсурдами прошедшего дня – Мира ни с кем не делилась остроумием, бережно хранила весь сарказм для вечера наедине с собой. Еще было чтение: слащавое, отупляющее, безо всякого проблеска мысли, зато очень забавное – отличная мишень для шуток. Еще – самоуничижение или самолюбование в некоем балансе. Уважая точность, Мира даже высчитала нужную пропорцию: пять издевок над собою к двум похвалам.

Та мерзкая мыслишка, что днем говорила о стыде перед союзниками, вечерами снова приходила на ум. Не только стыд, но и бегство. Ты спряталась за своей печалью, за одиночеством, за бессилием. Спряталась в кубке вина, как мышь в норе. Что скажешь, императрица?

Мира пропускала это мимо мысленного слуха. Она все больше овладевала дивным искусством: не думать лишнего.

На третьей неделе после коронации в ее приемную явился неожиданный человек. Генерал Алексис Смайл – уродливый, изрытый оспинами, еще и с черной тоскою в глазах. Зато – в безупречном парадном мундире, при наградной шпаге.

– Ваше величество...

Серебряный Лис отчего-то замялся, и Мира подумала: а ведь его не было на коронации. И потом при дворе не появлялся ни разу. Она знала, что оставшиеся войска Лиса перебазированы в пригороды. Сама же подписала приказ, состряпанный Ориджином.

Зачем он пришел, интересно? Проиграл решающую битву, потерял три четверти армии, а теперь вот пришел...

– Говорите, генерал.

– После коронации искровое войско присягает на верность новому правителю. Ваше величество должны принять присягу у моих полков.

А зачем? Еще один фарс...

– Этого нет в моих планах на сегодня.

– Планы вашего величества составляют слуги лорда-канцлера, а они препятствуют мне изо всех сил. Стоило больших трудов попасть к вам на прием. Я сумел встретиться с генерал-полковником Стэтхемом, он оказал мне долю уважения как... – генерал сглотнул, – ...разбитому противнику. Лишь благодаря милости бывшего врага я стою перед вами.

– Стэтхем нарушил дворцовый протокол. Ему не следовало этого делать.

– Ваше величество, примите присягу ваших верных воинов. Ни о чем больше не прошу.

Дело идет к вечеру, на улице мороз, а полки эти – в пяти милях от дворца... Ехать куда-то, мерзнуть... Зачем? Ради пустых слов, которые ничего не стоят? Я согласна играть комедию в тепле и сытости, но на морозе – увольте. Да и скоро вечер... Мой вечер!

– Генерал, обратитесь в секретариат. Вашу просьбу запишут в протокол и внесут в мои планы.

– Ваше величество... – военный покачал седой головой и не нашел, что еще сказать.

– Имеете другие вопросы?

– Никак нет... – он поклонился. – Служу Янмэй Милосердной.

Развернулся на каблуках и зашагал к двери. А тот ехидный внутренний голос сказал: ставь кавычки, Минерва. Только что ты говорила от лица государственной машины. Не при- творяйся человеком. Бери слова в кавычки.

Мира ощутила, как от стыда загораются щеки.

– Генерал, стойте. Простите меня. Я еду с вами.

Внеплановый выезд из дворца вызвал замешательство среди машинных шестеренок. Командир караула, оба секретаря, церемониймейстер и помощник министра двора один за другим заявили протест: «Ваше величество не должны...» Но открыто задержать ее никто не посмел. Карета императрицы промчала по Дворцовому мосту в сопровождении наспех подня- того лазурного конвоя.

Час дороги до казарм Мира спрашивала себя: зачем я еду? И находила лишь один ответ: для очистки совести. Чтобы не пришлось потом вписать бездушие в длинный реестр своих недостатков. Иных причин для поездки не имелось. Присяга – точно такая же формальность, как все прочие дела императрицы. Конечно, лорд-канцлер уже запланировал присягу в своем графике, и устроит ее, согласно традиции, прямо на Дворцовом острове. Мире достаточно было подождать – и полки пришли бы к ней сами... Но нет, она мчится за город по морозу, откладывает ужин и начало вечера, а что самое скверное – даже не догадалась прихватить с собой вина. И все потому лишь, что ее попросил никчемный солдафон, проигравший войну. Глупо, Минерва. Не царственный поступок.

Однако час миновал, и вот она стояла на плацу спиной к казармам, а перед нею маячило императорское искровое войско. Точнее – его остатки: неполных три полка из бывших когда- то пятнадцати. Зимой легендарная алая пехота выглядит до смешного невзрачно: бурые тело- грейки, темные плащи, красные – лишь нашивки на рукавах, да еще поблескивают кровью очи в копьях, остриями торчащих в небо. Армия выстроилась тремя большими квадратами: впе- реди каждого – гвардейские роты под гербовыми знаменами, за ними искровая пехота, в тылу стрелки, по флангам узкими колоннами легкая кавалерия. Из глоток солдат взлетают облачка пара, кони всхрапывают, переминаясь с ноги на ногу.

Мира взошла на помост, за нею стеной встала четверка лазурных рыцарей. Знаменосец поднял на мачту личный императорский вымпел, горнист протрубил сигнал. Войско затихло, окаменело, уставилось на владычицу тысячами глаз. Мира осознала: она понятия не имеет, что делать. Как же плохо без протокола! Когда его нет, все идет вкривь и вкось. Что теперь говорить? Откуда солдаты вообще узнали, что нужно построиться? Серебряный Лис послал вперед вестового?..

– Как это делается, генерал? – тихо спросила Мира.

– Ваше величество могут не утруждаться словами. Я отдам приказ, полки зачитают при- сягу: сперва офицеры, а рядовые за ними повторяют. Потом все отсалютуют и трижды крикнут: «Слава Янмэй». Вам стоит ответить: «Служите верно». Больше ничего.

Ну, конечно. И как сама не догадалась? Ничего не делать, молчать с величавым видом. Этим навыком я уже овладела.

Мира кивнула, соглашаясь. Генерал почему-то не отдал приказа: глядел на нее и ждал. Чего? Наверное, нужно сказать: «Начинайте?»

Она открыла рот, чтобы выронить слово, – но не смогла. Странное чувство сбило ее. Чем- то особенным, непривычным дышала эта минута. Нерешительность генерала, хмурые солдат- ские телогрейки, могильная тишина над плацем – даже кони забыли шевелиться... Все по- особому. Не так, как должно.

Мира присмотрелась к лицам солдат. Скользнула взглядом: один, другой, четвертый, два- дцатый... На каждом будто лежит отметина: усталость ли, траур, горечь – не понять... Но в

любом случае не то, что следует. Мира ждала увидеть тысячи молодцеватых болванов – ведь так положено по протоколу.

Вопрос сам собой вылетел изо рта:

– Что с ними, генерал?

– Ваше величество знают. Эти полки понесли тяжелые потери, которые до сих пор не восполнены. Потому подразделения построены неполным составом.

– Я не об этом... Солдаты выглядят... правдиво.

Звучало глупо, но Мира не смогла найти иного слова. Правдиво – именно так.

– Воины помнят, что ваше величество сделали для них.

Предала? Забыла об их существовании? Краска бросилась в лицо.

– И что... я сделала?

– Ваше величество знают: рискнули собой ради их спасения. В одиночку пошли на переговоры к мятежнику, чтобы заключить мир. Не сделайте вы этого, началась бы безнадежная битва. Большинство моих солдат легло бы в могилы.

Мира захлопала ресницами. Такого точно нет в протоколе! Генерал не должен был говорить этих слов. Солдаты не должны так думать. Все это – не по правилам!

– Воины!.. – крикнула Мира и осеклась. Она хотела переубедить их. Сказать: все чушь. Сказать: забудьте. Заорать: присяга – формальность, разве вы не видите? Все вокруг – театр, не верьте ничему, не будьте дураками!

– Воины!.. Я...

Что же ты скажешь, Минерва? Я – марионетка лорда-канцлера, вашего врага? Я – безвольная пьяница? Я ничего для вас не сделала, я кукла, не верьте мне, не смотрите так, будто я что-то значу?

Нет, не то. Близко, но не в точку.

– Верные воины Короны!.. Я, ваша императрица...

Снова осеклась.

А солдаты ждали продолжения. Ловили каждое слово. Даже белые облачка выдохов стали реже.

Я не хочу нести за вас ответственность!!! Вот оно! В яблочко, Минерва. Умница.

Она глубоко вздохнула. Сглотнула комок, судорожным кашлем прочистила горло.

– Воины Короны. Вы бились за Адриана. Я буду до смерти благодарна вам. Вы сделали для меня больше, чем кто-либо. Вы сражались за Адриана.

И я недостойна принимать у вас присягу. Вот еще один факт для этой правдивой минуты.

– Для меня честь – говорить с вами. Вы – гордость Империи. И я хочу...

...прикинуться чем-то вроде настоящей владычицы? Не опозориться сильнее, чем уже успела?

– Я хочу принять присягу отдельно у каждой роты, чтобы увидеть все ваши лица.

Обернувшись к генералу, она запоздало спросила:

– Это можно устроить?.. Так делается?..

– Вы – государыня, – ответил Серебряный Лис. – Только прикажите.

Церемония затянулась на несколько часов. Чтобы не держать солдат на морозе, Мира распустила два полка, оставив на плацу лишь один. Рота за ротой выстраивались перед нею и произносили слова присяги. Затем то же проделал второй полк, за ним – третий. Рано стемнело. Выполняя приказ владычицы – «Хочу увидеть все ваши лица» – факельщики шагали перед строем, освещая солдат. Смотрелось глупо, но и торжественно до дрожи. Пятно света выхватывало лица одно за другим, поочередно. Слитная масса войска распадалась на отдельных людей – живых, уставших от войны, потрясенных и раздавленных поражением. Миру терзал стыд. За то, что мучает солдат, затягивая ритуал. За то, что так молода и ничего не видела

в жизни, особенно – в сравнении с этими людьми. Даже за то, что мерзнет, стуча зубами, и думает не столько о присяге, сколько о горячем вине и теплой постели. Стыда она хлебнула полной ложкой.

Мира не смела надеяться, что солдатам пришлось по душе ее выходка. Однако генерал, как ни странно, выглядел довольным. Когда церемония окончилась, сказал:

– Благодарю, ваше величество, – хотя никакие протоколы не требовали от него слов благодарности.

Мира спросила – больше из вежливости:

– Скольких людей не хватает?

– Каждого шестого. По факту, ваше величество, у меня не три полка, а только пять батальонов.

– Очень печально...

– Да, ваше величество.

– А что с другими частями? Корпус генерала Гора?

Серебряный Лис, кажется, хотел сплунуть под ноги, но удержался и только чмокнул губами.

– Генерал Гор заключил сделку с лордом-канцлером. Теперь назначен верховным главнокомандующим армии Земель Короны, и я должен ему подчиняться. Два полка его корпуса стоят на южной околице Фаунтерры, таким образом, чтобы никогда не контактировать с моими людьми. Зато герцог Ориджин или кто-то из его вассалов через день устраивают смотр солдатам Гора. Искровиков приучают подчиняться кайрам.

– А генерал Уильям Дейви?

– Он до сих пор в Мелоранже со своим единственным полком. По правде, ваше величество, мои пять батальонов – все, что у вас есть.

Мира не смогла скрыть выражение лица, и генерал хмуро кивнул:

– Да, ваше величество, это ничто. Мы не выдержим ни единого боя против войск лорда-канцлера. И нет среди моих парней такого, кто не молился бы, чтобы вы как можно дольше хранили мир с Агатой. Но, что бы ни случилось, мы есть у вас.

Этой ночью Мира особенно тщательно глушила мысли вином. «Мы есть у вас... Воины помнят, что вы для них сделали...» Я ничего не решаю. От меня ничто не зависит. У меня никого нет. Я одна в красивой и блаженной печали!

К моменту, когда ноги стали ватными, а в глазах начало двоиться, Мира почти смогла убедить себя в этом. Да, присяга – фарс, пустая формальность. А если и нет, то пять батальонов абсолютно ничего не меняют. И сам генерал сказал: «Солдаты молятся, чтобы я хранила мир». Это я и делаю, не так ли? Я прекратила войну, разве этого мало? Чего еще можно хотеть от восемнадцатилетней девушки?

Мира уснула, почти успокоившись.

А утром даже сквозь похмелье почувствовала: что-то в ее душе встало наперекосяк. Что-то мешает, будто гвоздь, вколоченный в грудь.

* * *

Герцог опоздал на тридцать минут. Мира вызвала на шесть, он явился в половине седьмого. Стоило бы отчитать и отослать его, а вызвать в другой день. Но тогда придется снова лицезреть его агатовскую ухмылочку. Лучше уж поговорить сегодня.

– Вам следует объясниться, милорд.

– Нижайше прошу простить, ваше величество, – ни следа раскаяния в голосе. – Меня задержало очень радостное событие. Надеюсь, оно порадует и вас: моя сестра едет в столицу.

– Леди Иона прибыла в Фаунтерру?

– Из-за сильной непогоды в Южном Пути сестра не успела на коронацию, о чем невероятно сожалеет. Но сейчас она в землях Короны. Прислала весточку из Излучины, за несколько дней будет в столице и выскажет вам свои поздравления.

– Я приму их, милорд. Однако я позвала вас не затем, чтобы обсуждать леди Иону.

– Да?.. – герцог округлил глаза в деланном удивлении. – Что же еще достойно обсуждения?

– Вопросы власти, милорд. Государственные дела.

Ориджин хмыкнул.

– Коль так, ваше величество, не предложите ли сесть? Никак невозможно стоя обсуждать вопросы власти.

Она не предложила, он сам отодвинул кресло и уселся. Не лицом к Мире, а вполоборота – этак расслабленно, по-хозяйски.

– Какой конкретно вопрос волнует ваше величество?

– Не какой-то конкретный, милорд, а все вопросы в целом. Точнее – ваш подход к их решению.

Герцог невинно пожал плечами:

– Мой подход в том, что вопросы решаются, не так ли? И без малейшего беспокойства с вашей стороны.

– Именно это меня волнует. Вопреки нашим договоренностям, вопреки данному слову лорда, вы устранили меня от управления Империей. Ваши люди забрасывают меня пустыми и малозначимыми делами, в то время как существенные решения принимаются без моего ведома.

– Рискну отметить, что ваше величество неправы. Ваши подписи стоят подо всеми весомыми указами: назначения высших чиновников, передислокация войск, организация восстановительных работ в столице, оповещение лордов о новом созыве Палаты Представителей, выделение средств госпиталям и выходных пособий ветеранам войны – каждый документ завизирован вами.

Мира досадливо поморщилась. Да, все верно: ей подсовывали бумаги – она подписывала.

– Ваши люди не дали мне времени как следует ознакомиться с документами.

– О, простите им такую поспешность! Они лишь стараются как можно быстрее выполнять свою работу.

– И, что гораздо хуже, я не владею нужными сведениями, чтобы принимать решения. Вы назначаете людей, которых я не знаю. Как понять, достойны ли они должностей? Вы выделяете три тысячи эфесов на ремонт мостов и набережной. Как понять, много это или мало? Да и есть ли в казне эти три тысячи? Я не видела бюджета Империи, финансовых отчетов, состояния казны! Вся значимая информация скрывается от меня! Зато меня пичкают эскизами платьев, значениями парфюмов, тонкостями церемоний, протоколами, ритуалами!

Герцог лукаво улыбнулся:

– И ваше величество прекрасно справляется с этими тонкостями. Коронация прошла великолепно, все гости тронуты вашей душевностью. «Голос Короны» написал о вас: «Императрица Минерва – подлинное воплощение милосердия и благородства. Она послана Праматерью Янмэй как лекарство, что исцелит тяжкие раны, нанесенные стране войною». Красиво, правда? Очерк составил придворный комментатор, искренне восхищенный вашим величеством. Разумеется, я проверил и утвердил текст перед выпуском в печать...

Мире стоило труда сохранить спокойствие и продолжить ровным твердым голосом:

– Милорд, я прекрасно понимаю, зачем все это делается. Вы отвлекаете мое внимание, тратите мое время и силы на мишуру, чтобы я не мешала вам захватывать власть. Я осознаю важность коронации, однако теперь она позади. Больше нет причин держать меня в стороне от

государственных дел. Я желаю знать все, что знаете вы. И требую участия во всех решениях, которые вы принимаете.

Столь жестко высказанная позиция ничуть не смутила герцога.

– С удовольствием, ваше величество. Вот как раз сейчас меня заботят три вопроса. Думается, мы успеем обсудить их до ужина.

– Сейчас?.. – поразила Мира. Неужели так просто?!

– Вы возражаете? Можем отложить на удобное вам время...

– Нет, милорд, извольте сейчас.

– Как прикажете, ваше величество. Вот первый вопрос. К великой печали, при осаде погиб мой славный кузен – Деймон Ориджин. На его старшего брата, Роберта Ориджина, смерть Деймона произвела тяжкое впечатление. Роберт – бесстрашный кайр, опытный полководец, герой войны – пришел ко мне и попросил отставки, так он был опечален. Роберт сказал: «У моего отца было трое сыновей, я – последний из них, кто все еще жив. Мне необходимо обзавестись потомством, ведь без этого наша ветвь прервется. Потому, Эрвин, как ни горько говорить это, но я хочу отложить меч и зажечь мирной жизнью. Я готов верой и правдой служить тебе в любой должности, но только не военной». Так сказал мне Роберт Ориджин.

– К чему вы ведете, милорд? Снова пытаетесь свернуть в сторону?

– Мой кузен Роберт, к вашему сведению, шесть лет прослужил казначеем в Первой Зиме. Надо заметить, все это время Первая Зима беднела, а казна пустела, поскольку Роберт не имел понятия о том, как ее наполнять. Но за шесть лет не было украдено ни единой агатки – в этом я ручаюсь. А имперская казна в данный момент не имеет головы. Верховный казначей еще при осаде бежал в неизвестном направлении, распахав по карманам несколько дюжин векселей по тысяче эфесов каждый. Полиция ищет его – пока безуспешно. Заместитель казначея также бежал, но был настолько глуп, что взял не векселя, а сундучок золота. Его с этим сундучком арестовали на станции люди Бэкфилда, но вот незадача: заместитель предстал перед судом, а сундучок куда-то исчез из числа улик. Был – и не стало... Теперь, ваше величество, мы подходим к сути вопроса. Пятеро чиновников имперского казначейства наперебой просят занять место начальника. Нет причин верить, что они будут хоть каплю надежнее прежнего главы. Зато они – мастера финансов, ведут учет, знают бюджет Империи, как свои пять пальцев, смогут составлять для вашего величества понятные отчеты. С другой стороны, есть мой кузен, ничего не знающий об имперском бюджете и верящий, что доходы казны – дело Праматерей, а не смертных. Да и ваше величество наверняка против его кандидатуры: ведь Роберт – мой ставленник. Зато он – честнейший человек, ему я доверил бы и миллиард эфесов. Что посоветуете, ваше величество? Быть может, у вас имеется подходящий казначей на примете?

Мира опешила. Желая скрыть замешательство, сказала:

– Я должна обдумать это, милорд. Пока изложите второй и третий вопросы.

– Извольте, вопрос второй. Есть при дворе некий господин Дрейфус Борн. Вы видели его не раз, но вряд ли обратили внимание: круглый щекастый человечек в дорогом камзоле. Меж тем, при владыке Адриане – мир его душе – Дрейфус Борн был очень важной птицей: руководил налоговой службой. То есть, пропускал через свои руки больше трети всех поступлений в казну Империи. Сбор податей – дело крайне непростое. Налоговая служба – это своего рода пирамида. Крестьяне, ремесленники и торговцы платят подать рядовым сборщикам, из всех сил стараясь недоплатить. Рядовые сдают выручку уездным сборщикам, но часть прикарманивают. Уездные переправляют доходы окружным, но занижают числа в отчетах, а разницу оставляют себе. Окружные отчитываются перед столичным ведомством и делят с ним свою часть пирога. Только то, что осталось после всех этих махинаций, поступает в имперскую казну. Легко видеть, задача управителя налогов – так надавить на нижние ступени пирамиды, чтобы до казны добралась сколько-нибудь заметная сумма денег. И Дрейфус Борн настолько владеет данным искусством, что даже не потрудился бежать из столицы. Он был абсолютно

уверен, что пригодится любому государю, кто бы ни занял престол. Сразу после коронации Борн пришел ко мне и сказал с бесстыдной прямоотой: «Лорд-канцлер, я – мастер своего дела. Гарантирую, что казна будет получать миллион золотых налогов в год, и ни агаткой меньше. Но ни ваша светлость, ни ее величество не станут вникать в подробности моей службы и требовать детальных отчетов». Иными словами, мы не узнаем, сколько сотен тысяч крадут сборщики налогов, и смиримся с этим фактом. Зато получим миллион в год – исправно, как по часам. Хорошее ли предложение? Что скажет ваше величество?

– Какая мерзость! – не сдержалась Мира.

– Полностью согласен с вами. Первым моим желанием было заколоть Борна на месте. Но вот вопрос: нет ли у вас на примете опытного мастера сбора налогов? А если есть, то справится ли он? Деньги раскрадут еще в округах, и глава столичного ведомства окажется бессилён. А деньги, простите, сейчас нужны больше, чем справедливость.

Мира вновь предпочла уйти от ответа.

– Что за третий вопрос, милорд?

– Х-хе! Третий вопрос особенно щекотлив, ибо касается нас с вами лично. Видите ли, майор Бэкфилд так старался выжить меня из дворца, что вербовал воинов повсюду, в том числе и в полиции. Шериф отказывался лезть под мои мечи: мол, полиция борется с преступностью, а Ориджин хоть и враг, но не преступник. Тогда Бэкфилд сумел договориться с верховным судом, и тот срочно вынес мне приговор. А заодно – не поверите – вам также! Я приговорен к сожжению, а ваше величество – к вырыванию языка и обезглавливанию. Приговоры до сих пор в силе, что порождает абсурдный казус: высший суд Полари подчиняется императрице и лорду-канцлеру, которых сам же осудил на смерть.

– Пускай суд отменит приговоры.

– Во-первых, смена решения подорвет доверие к суду. Во-вторых, мне в принципе не нравятся эти судьи. Ладно, я – мятежник... Но вы-то ни в чем не виноваты, и не были в сговоре со мною, и Адриан даже не думал вас казнить. Только полный кретин не понял бы этого, а зачем Империи верховный суд, состоящий из кретинов?

– Тогда переназначим состав суда.

– Это повредит нашей репутации. Верховный суд – единственный орган власти, оставшийся нерушимым после войны. Судьи занимают места уже много лет, среди них пятеро янм-эйцев, лорды и чиновники уважают их. Если мы спешно назначим других судей, то уважение рухнет. Каждый приговор нового суда будет порочить не осужденного, а нас с вами.

Мира нахмурилась, потирая виски.

– Лорд-канцлер, вы же и не думали советоваться со мною. Вы изложили вопросы лишь для того, чтобы отпугнуть меня их сложностью.

– О, нет! Я имел целью показать вам: чтобы править, нужно иметь влияние и доверие подданных, которого у вас нет. Нужны преданные люди, которых вы также не имеете. Наконец, требуется опыт, а вам недостает и его. Зато вы прекрасно умеете производить впечатление. Видя вас, подданные верят в благородное великодушное милостивое дворянство, – то есть, в ту сказку, в какую и должен верить народ. Так делайте же то, к чему талант у вашего величества, и не...

– Не суйте нос в чужие дела? Вы об этом, милорд?

– Что вы! Никогда не посмел бы сказать подобное владычице Полари! Я хотел лишь просить вас побереечь цвет лица и нервы. Политические дела бывают слишком грязны и болезненны для человека с тонкой душой.

– Не смейте указывать мне, лорд-канцлер!

– Ни в коем случае, ваше величество! Не указываю, а ограждаю вас от тягот и печалей. Забочусь о вас, как и моя леди-сестра Иона. К слову, она беспокоилась о вашем здоровье.

Не пора ли нам выйти к ужину? Согласно заветам Сюзен, трапеза около полуночи крайне губительна для фигуры...

* * *

Этой ночью, оставшись наедине с собой, Мира положила на стол чистый лист бумаги и начала составлять план. Что действительно хорошо в дворцовых традициях – так это планы и графики. Они очень полезны.

Конечный пункт своего плана – самую отдаленную, заветную мечту – Мира знала еще в день смерти владыки. Найти преступников с Перстами. Сурово покарать всех, кто посеял смуту. Продолжить реформы Адриана.

Но это – в дальнем туманном будущем. А что прежде? Очевидно, установить реальную власть в Империи. А как? Придется вступить в соперничество с лордом-канцлером – и выиграть. А это как сделать? У лорда-канцлера – лучшее войско в мире, громкая слава, верные вассалы, друзья, союзники; к тому же, политический и военный опыт. У Миры – ничего, кроме ума. Как выиграть? Что вписать более ранними пунктами плана?

Она улыбнулась, подумав: хорошо, что герцог сам помог мне. Он так упивался своим превосходством, что и не заметил, как дал мне урок. Чтобы выиграть, нужно быстро учиться. Если враг дает уроки – я буду учиться и у врага.

Ориджин хотел ошеломить меня сложными проблемами и выбрал те, что волнуют его самого. Теперь я знаю, в чем его слабости. Герцогу недостает верных и честных людей в столице – значит, у меня они будут. Герцога волнует репутация, он хочет смыть с себя пятно мятежа – значит, я сумею это использовать. Люди герцога не умеют зарабатывать деньги – это лучшая новость из всех. Великий Дом Ориджин бессилен перед нищетой. Прекрасно, значит, в этом я буду сильнее. Чтобы выиграть, нужно учиться. Лучше всего учиться тому, чего не умеет соперник.

А теперь – план.

Мира смочила перо чернилами и стала записывать план в том порядке, в каком представляла его: начиная с последних пунктов.

- Продолжить реформы Адриана.
- Найти Персты Вильгельма, наказать инициаторов смуты.
- Поставить на место лорда-канцлера и установить...

Чем ближе к началу плана, тем сложнее становилось формулировать пункты. Далекие сияющие вершины виделись хорошо, но с чего начинать? Дорога в тысячу миль начинается с одного шага... но какого?

Наконец, она поняла ответ и вписала третий пункт плана, затем второй, затем и первый.

Перечла то, что получилось. Вставила пункт 4.5, которого явно не хватало. Добавила ремарку к пункту 7. Вышло следующее.

1. Выпить кофе.
 2. Одиночество, самоуничтожение, любование тоской отложить до лучших времен.
 3. Заменить ближайших слуг: люди вместо шестеренок.
 4. Найти источники знаний: учителей, документы, книги.
 - 4.5. Выпить очень много кофе.
 5. Разобраться в политике, государственном устройстве, финансах и законодательстве Империи. Всего-то.
 6. Найти преданных людей, назначить на нужные посты.
 7. С лихвой наполнить казну.
- * Понять бы, как.

8. Создать репутацию великой владычицы. Говорите, я умею производить впечатление?..
Согласна, умею.

9. Привлечь союзников из лордов, чиновников, военачальников.

10. Восстановить искровое войско.

11. Наказать Сибил Нортвуд и Мартина Шейланда.

12. Отобрать власть у лорда-канцлера.

13. Вернуть достояние Династии, найти Персты Вильгельма, казнить зачинщиков смуты.

14. Возобновить реформы Адриана.

Мира поняла, что план выглядит незавершенным, в конце списка кое-чего недостает. И она дописала:

15. Вернуться к тоске и самоуничтожению.

Теперь план идеален, без изъянов. Запомнив его дословно, Минерва сожгла лист.

Раскрыла любовный роман, позвонила в колокольчик, капризным тоном потребовала вина. Пускай шпионы лорда-канцлера не сразу заметят перемену.

Перо – 1

Фаунтерра

Одному человеку нелегко жилось в горном селе. Он пришел в церковь и спросил священника:

– Отчего Праматери мне не помогают?

Святой отец дал ответ:

– Оттого, что тебе недостает веры.

Человек подумал и сказал:

– Не одолжите ли мне, отче, свою веру? Пару деньков ею попользуюсь, вымолю помощи у Праматерей, и сразу же верну.

Священник прогнал его, выбравив за глупость.

Человек взял денег и подался в монастырь, что стоял неподалеку. Пришел к аббату, сказал:

– Ваше преподобие, священник в нашем селе – мошенник и плут. Я просил у него веры взаймы, а он не дал и выбранил последними словами. Вот я и понял: не имеет он никакой веры, а только похвально.

– Зачем же ты пришел ко мне? – удивился аббат.

– Я собрал вот немного денег и прошу: продайте мне веры, ваше преподобие! Без веры не жизнь – не помогают Праматери!

Аббат ответил:

– Вера не продается и не покупается. Нужно самому верить. Если веры не имеешь, то нигде и не купишь!

Человек вернулся домой, распродал соседям все, что имел, собрал целый кошель денег и с ним пошел аж в Первую Зиму, к епископу. С трудом попал на прием и сказал:

– Ваше преосвященство, спасите меня. Священник в моем селе – обманщик и плут, аббат в монастыре – тоже не лучше. Оба говорят: нужно иметь веру. Просил одолжить мне веры – прогнали. Просил продать – тоже ни в какую. Выходит, сами не имеют ни крошки этой веры, а только людей поучают!

Епископ покачал седой головой и сказал:

– Да, непростое у тебя дело. Но скажи, чего от меня-то хочешь?

Человек положил на стол кошель с деньгами:

– Ваше преосвященство, я точно знаю: у вас-то веры полным полно, на целый город хватит. А я много не прошу – лишь горстку-другую. Без нее-то совсем погибаю, никакой помощи от Праматерей. Возьмите вот этот кошель на нужды храма, а мне дайте веры, сколько вам не жалко!

Епископ строго ему ответил:

– Моя вера – штука дорогая. За нее страданием, опытом и мудростью плачено. Что твои монеты в сравнении с такой ценою? Забирай свой кошель и ступай. Тебе не хватит денег и на унцию веры!

Пригорюнился человек, поник головою и побрел прочь, бормоча под нос:

– Нигде правды нет. Всюду или плуты, или скряги...

Епископ же посмотрел ему вслед, подозвал юношу, который зажигал в храме свечи, и шепнул мальцу пару слов.

Под вечер юноша разыскал человека из села и сказал:

– За глаорию покажу тебе, где епископ прячет веру.

Человек удивился:

– А зачем оно мне?

– *Проберешься в собор и украдешь пару горстей. У епископа ее, веры, целый сундук. Он не заметит пропажи, если взять немного.*

Человек сперва отказался: красть из храма – большой грех! А потом подумал: у епископа целый сундук веры, но для крестьянина даже унции пожалел. Экий скряга! Проняла человека обида, и он согласился, дал мальчишке глаголю. Тот повел его в собор, завел по лестнице на хоры и показал громадный сундучище. Человек поковырял гвоздем в замке и отпер. Ничего особого он не увидел, но и не удивился: всякий знает, что вера невидима для глаза. Так что он осторожно зачерпнул горсть и прижал к своей груди, чтобы вера впиталась в сердце. Подумал, зачерпнул еще полгорсточку и прижал ко лбу, чтобы и в голову попало. Тогда захлопнул сундук и убежал из храма.

С тех пор Праматери всегда ему помогали.

Имени Деда Марк не знал. Когда впервые увидел его, то представился:

– Я – Марк Фрида Стенли. Раньше звался Вороном Короны... а теперь, пожалуй, стану просто Вороном.

Дед пригладил седые усы и ответил:

– Ты прав, Ворон. Имя нужно выбирать с умом.

Марк спросил:

– А тебя как зовут?

– Да по-всякому, – был ответ, – хотя бы парнем.

– Не обижайся, парень, – сказал Марк, – но ты больше на деда похож.

– Тогда зови Дедом, – согласился седой.

Дед любил играть на дудке. Не обычной, а особой: прикладывал ее боком, водил вдоль губ туда-сюда и дул в разные отверстия, закатив глаза. Дудка издавала звуки, похожие на песню ветра, сквозь которую пробивался то шум дождя, то овечье блеянье, то женский плач. Дед играл в разное время, и неважно было, слышит ли кто.

Марк спросил:

– Тебе что, с дудкой лучше думается?

Дед ответил:

– Это не дудка, а чимбук – инструмент горных пастухов.

Кроме игры на чимбуке, Дед любил рассказывать истории. Всякие: про крестьян и епископов, моряков и воинов, старух и младенцев. Знал он их несчетное множество, и в любой момент – даже совсем для того не подходящий – мог пуститься в рассказ.

К примеру, однажды Марк загрустил. Пил на подоконнике, а снаружи шел снег. Не такой, чтобы пурга или метелица, а вялый и редкий, как волосы старухи. За снегом – та сторона улицы. Чье-то окно, размалеванное красками в честь нового года. Барашек, звездочка, конфетка, детская мордашка, а надо всем прилеплена дурацкая корона из фольги – видать, ко дню коронации. Один зубец отлепился и болтается на ветру: шлеп... шлеп... шлеп... Почему-то очень тошно сделалось – накатило. Марк спросил:

– Долго мы тут еще просидим?

И Дед ни с того ни с сего выложил:

– Джек-плотник очень любил поспать после обеда. Жена его за это пилила: не спи, а работай, деньги в дом неси! Но он все равно спал. Жена поставила в кухне банку меда. Слетелись мухи, она изловчилась и наловила целых две дюжины. Принесла в спальню, выпустила над головой у мужа. Подумала так: ночью мухи спят – и муж будет спать. А днем он и глаз не сомкнет от их жужжания! Довольная, потеряла ладони и ушла. Вернулась через час – видит: муж храпит себе, а все мухи сидят у него на груди и не шевелятся. Она ему: «А ну вставай, лентяюга!» Джек-плотник отвечает: «Я бы встал, да не могу: перед друзьями неловко. Они только-только уснули, пошевелюсь – всех разбужу».

Имелась у Деда и еще одна странность. С ним был помощник – белобрысый юноша при мече. Марк любопытствовал:

- Как зовут твоего грея?
- Я не кайр, – ответил Дед.
- То есть как это?
- В мире есть кайры и все остальные люди. Вот я – из остальных.
- Я думал, на Севере серьезные дела поручают только кайрам.
- Герцог Эрвин Ориджин – не кайр.

Марк признал правоту.

– Кстати, о герцoge... Не знаешь ли, Дед: чего он ждет? Собирается ли принять меня и выслушать? Или навечно оставит торчать в этом домишке?..

Дед приложил ко рту чимбук и заиграл нечто похожее на прибор осенним вечером. Не сказать, что такой ответ устроил Марка, но другого не предвиделось.

* * *

Больше месяца заняла дорога из Первой Зимы в Фаунтерру. Опытные люди говорили, что это еще быстро. Ползком на санях через долины и перевалы, по ложбинам среди холмов, по замерзшему руслу реки, Торговым Трактом через поля...

В Лабелине задержались на несколько дней. Столица Южного Пути практически не изменилась: та же суeta и повсеместное торжище, те же красномордые мужики и дородные купцы в мехах. Смена власти сказалась лишь на флагах: над замком и ратушей трепыхались черные нетопыри Ориджина. Еще выросли цены на харчи, да прибавилось по углам попрошaeк.

В замке бывшего герцога Лабелина дождались Северную Принцессу, что ехала из Уэй-мара со своим эскортом. Дальше двинулись вместе. Леди Иона выглядела не то грустной, не то озадаченной. Мужа с нею не было. Марк немного пофантазировал о том, какая кошка пробежала меж Ионой и Виттором. Банкир завел любовницу? Но леди Иона не похожа на ревнивую женку. Принцесса завела любовника? Тогда она сияла бы, а не грустила. Размолвка из-за политики? Очень странно со стороны Виттора – собачиться с Ориджинами после их победы. Иона никак не забеременеет? А вот это, кажется, близко к истине...

Но намного больше, чем личные дела Северной Принцессы, Марка занимала Фаунтерра. Одна мыслишка крутилась в голове, не давая покоя. Хозяин Перстов Вильгельма спровоцировал гражданскую войну, чтобы ослабить два сильнейших рода – Янмэй и Агату. Обескровив обеих, он попытается захватить трон. Весьма логично, и согласуется со всеми известными фактами. В таком случае, хозяина Перстов может кое-как устроить владычица Минерва в роли марионетки, но отнюдь не Эрвин Ориджин в роли кукловода. Значит, хозяин попытается убить герцога. Последует новая атака, и, вероятно, очень скоро. Ведь чем больше времени пройдет после войны, тем лучше Ориджин восстановит войско, усилит оборону столицы, укрепит власть. Все это не на руку хозяину Перстов.

Прибавим другой тревожный факт: хозяин выманил старших Ориджинов из Первой Зимы в столицу. Не для того ли, чтобы одним махом уничтожить всех – родителей и детей? Не едет ли герцогский кортеж напрямик в капкан? И ладно бы только герцоги, но ведь, что обидно, и Марк с ними вместе, и друзья-моряки!

Он поделился тревогами с леди Софией и леди Ионой. Леди София не приняла всерьез: она просто не могла представить силу, способную уничтожить четверых Ориджинов разом. Леди Иона сказала, что почтет за счастье разделить с братом любую участь, будь то триумф или смерть. Ища хоть в ком-нибудь проблеск здравомыслия, Марк изложил свои страхи кайру Джемису. Тот ответил:

– Успокойся, парень. Под конец осады герцог Эрвин сидел во дворце с двумя сотнями солдат. Если бы хозяин Перстов хотел ударить, ударил бы тогда. А сейчас в столице десять наших батальонов, да еще пять полков медведей. Полезет – расшибется.

– Тогда зачем он сказал леди Софии ехать в столицу?

– Да кто его знает... Может, он сам в столице? Может, правда, вылечит лорда Десмонда в обмен на говорящий браслет?

Марк схватился за голову:

– Как же вы, кайры, правите Севером при вашей-то наивности?! Вылечит он – конечно! И императора оживит! И Козленка человеком сделает!..

– А сам-то что думаешь, умник?

– Думаю, если подонок зовет вас в столицу, то последнее дело – ехать в столицу. Думаю, его план – перехватить нас в дороге и взять живьем. Невероятное предложение для герцога Эрвина! Отдадите трон, милорд, – получите сразу шесть заложников! Славный кайр Джемис со здоровущей овчаркой, совсем не старые лорд-отец и леди-мать, ненаглядная обожаемая сестричка, да еще – самое ценное – Ворон Короны собственной персоной! Шестеро пленников по цене одного – какой герцог откажется?..

– Ох, и паяц же ты!.. – покачал головой Джемис. – Думаешь, зря полдюжины саней с гербами Ориджина ушли вперед, а мы отстаем на день? Думаешь, почему конные разведчики рыщут на мили вокруг нас? А зачем мы взяли из Первой Зимы целую сотню кайров – догадываешься?.. Знаем об опасности, не ты один умный.

Марк сомневался, что сотня мечников (даже усиленных овчаркой) – серьезная защита от бригады с Перстами. Не сказать, что в дороге к столице он показывал чудеса храбрости. Напротив, старался держаться подальше от лордских повозок и поближе к морячкам, чтобы, в случае чего, никто не принял его за вассала Ориджинов...

Но все обошлось. Какими бы ни были планы неведомого Хозяина, атака на кортеж леди Софии в них не входила. А в столице разделились: дворяне и кайры отправились во дворец, морячки и несколько воинов – в порт. Ворона же доставили в трехэтажный дом на Млечном проспекте и передали заботам странного Деда с белобрысым Внучком. Кроме них троих здесь была лишь повариха да старичок-привратник. Интерьеры – некогда роскошные, а ныне выцветшие, серые от въевшейся в обивку пыли. В углах сырость, на потолочных балках – клочья паутины. В былые зажиточные годы кто-то из Ориджинов приобрел богатую виллу для красивой столичной жизни, но те годы, по всему, давненько миновали.

В этой вот стареющей вилле Марк провел уже пять дней.

– Что мы тут делаем? Чего ждем? – спрашивал он Деда.

Вместо ответа получал очередную притчу или мелодию на чимбуке.

– Я – пленник? – спрашивал Марк.

– Это как сам решишь...

Ворон проверял входные двери – все заперты на ключ; окна первого этажа – зарешечены.

– Так заперто же! Как я уйду?

Дед пожимал плечами:

– Однажды Джек-плотник...

– Стой, не заводи шарманку! Не сейчас. Я, знаешь ли, очень щепетилен в вопросах свободы – не выношу неясности. Я числился пленником Ориджинов, но леди София Джессика обещала мне свободу, едва приедем в столицу. И вот мы в столице.

– Хочешь свободы – так бери.

– Двери и окна заперты. Отопри, я пойду.

– Не в том дело, Ворон, что заперто, а в том, что ты не очень хочешь. Хотел бы – стянул у меня ключ или вылез из верхнего окна, где нет решетки...

Марк опешил:

– Это что, проверка на лояльность? Герцог смотрит, не попытаюсь ли сбежать, а попытаюсь – шкуру спустит? Так ты ему, Дед, передай: я ему ничего не обещал! Родителям его клялся, что съезжу в Запределье, кое-что узнаю, – и съездил, и узнал. А теперь я ихнему семейству ничего не должен, пускай герцог не думает!

– Что ты все: герцог да герцог? Он сам о себе подумает, а я – о себе, а ты – о себе размышляй.

– То бишь, если я захочу сбежать и вылезу в окно, твой Внучок не станет за мной гнаться и махать мечом?

– Ты, Ворон, за себя думай. Хочешь – так беги, а не хочешь – оставайся. А побежишь – тогда уже Внучок свое подумает: бежать ли следом, али нет.

– Ладно, черт. Скажи хотя бы: долго еще ждать?

– Вот ты все-таки послушай. Как-то Джек-плотник пошел напиться воды и упал в колодец. Через час жена вышла его искать, глянула – а муж-то в колодце. Она в крик: «Ой, лишенько, ой, горюшко!» Джек ей отвечает со дна: «Да не голоси, я живой-здоровый». Жена спрашивает: «Почему же не вылезешь?» Джек-плотник и говорит: «Я тут думаю: зачем же я в колодец упал? И пока не найду ответа, не вылезу». Жена стала его убеждать, даже веревку принесла, но Джек ни в какую: пока не пойму, мол, наверх ни ногой. Досидел он до вечера, взошла луна, отразилась в водичке – колодец будто наполнился серебром. Джек хлопнул себя по лбу: «Вспомнил! Я давеча сюда две агатки уронил! Вот за ними сегодня и упал!» Стал шарить по дну, нашел монеты, с ними выбрался из колодца. Говорит: «Вот я какой молодец – упал со смыслом!» Жена ему: «Ты дурачина! Зачем деньги в колодец ронял?» А Джек-плотник в ответ: «Раз уронил, значит, и в том был смысл. Вот поразмыслию часок – пойму, какой».

Марк злился. Смысл?.. Это ты, Дед, отлично выдумал: смысл! Сидеть в занюханном старом доме и размышлять невесту о чем, пока в мире дела творятся!.. Кстати, а что творится-то?

– Дед, мне позволено узнать новости?

– А ты хочешь?

– Ясно, хочу! Или мне за новостями тоже вылезти в окно?

– Вылези, коли желаешь. Но можешь и не лезть, а вот эти листки прочитать. Я Внучка грамоте учу. Он каждое утро приносит новый «Голос», мы с ним разбираем...

Марк получил шесть листов бумаги, сложенных, будто книжные развороты. То был новый «Голос Короны». Он сильно изменился после войны: содержал теперь не сотню страниц, а всего несколько, зато выходил ежедневно, а не ежемесячно, как раньше. И стал, соответственно, в десятки раз дешевле. Пожалуй, это было правильно: в тревожное время люди жаждут новостей, и не раз в месяц, а как можно чаще. Ежедневный дешевый «Голос» успокаивал столицу, ибо в нем не было ни слова о войне.

Главной темой была новая владычица и коронация. Первые страницы неизменно посвящались Минерве Стагфорт: почтила своим присутствием, удостоила назначения, одобрительно отозвалась о, высказала глубокие мысли по поводу... Комментаторы называли Минерву образцом благородства, светочем ума, зарею новой эры мира и процветания. Все приводимые цитаты подтверждали это. Портреты Миры дышали одновременно невинностью и аристократизмом.

Что ж, следовало признать: Дом Ориджин преуспел в пропаганде не меньше, чем в военном деле. Адриан был велик, умен и любим народом. После него мало кто выдержит сравнение, о новом владыке скажут: «Уже не тот... В подметки не годится... Вот Адриан был голова, а нынешний – эх...» Но герцог Эрвин создал прекрасный образ для своей марионетки – практически непогрешимый. Адриан был умен и благороден – Мира не уступает ему в этом. Адриан был суров и тверд, но это кончилось войной. Мира юна и гибка – такая владычица и нужна для мирных лет. Адриан был смел, редкий мужчина выдержит сравнение. Но Мира – девушка, ей не нужно состязаться в смелости. Наконец, Адриан был рода Янмэй, как все величайшие правители. Но Мира – еще более Янмэй! Она смогла надеть Перчатку Могущества, что сотни

лет никому не удавалось! И не просто надела, а остановила войну и спасла две армии от взаимного истребления. «Минерва Несущая Мир» – так прозвали ее в какой-то статье. Будущая защитница народа, новая Юлиана Великая. А может, и новая Янмэй!..

Помимо сведений о владычице, «Голос Короны» пестрел и другими радостными новостями. Двор шумит празднествами – стало быть, война позади, лорды примирились и не жалеют денег на совместные попойки. Войска отведены на околицы: полки Алексиса – на юг, полки медведей – на запад, батальоны кайров – на левый берег. Стало быть, столица хорошо защищена, но в городе солдаты не шастают, не пугают мещан своим видом. Назначения чиновников совершаются редко, без спешки – значит, владычица тщательно взвешивает все кандидатуры. В Литленде покой: орда изгнана в степи, Мелоранж защищен шиммерийскими полками. В Альмере покой: больше не пахнет вассальным мятежом, герцогство сплотилось под рукой приарха Галларда. Но скоро он передаст власть леди Аланис Альмера – она жива и здорова, несмотря на пережитую тяжкую рану. На Севере, в Беломорье, крохотный мятеж: граф Флеминг восстал против Первой Зимы. Конечно, он обречен: Эрвин-Победитель сотрет его в порошок, едва уладит дела в столице и поможет ее величеству окрепнуть. Герцог Эрвин – надежный защитник, помощник и советчик юной императрицы. При этом остается только ее другом, не набиваясь в женихи – как благородно с его стороны!..

Народ не умел читать между строк. В народе мало кто хотя бы знал азбуку. Видать, собирались под вечер целыми семьями, кто-то грамотный зачитывал новости вслух, а прочие ахали от умиления и радости... Но Ворон отлично видел истинный смысл событий.

Герцог проматывает казну на видимость благополучия, чтобы успокоить народ. Тот самый народ, который позже будет умыться потом, чтобы наполнить казну.

Герцог расставил войска вокруг столицы: верного владыке Алексиса вытеснил на юг; медведями, как щитом, прикрылся от угрозы из Альмеры; кайров поставил за рекой – как будто далеко, но на реке-то лед! Щелкни пальцами – и красно-черные наводнят столицу.

Герцог не спешит с назначениями – значит, тщательно подходит к делу запугивания и подкупа чиновников.

Герцог упоминает мятеж Флеминга затем, чтобы «Голос Короны» не выглядел ура-пропагандой. Да, жизнь есть жизнь, проблемы случаются. Мятеж вот... Но далеко-оо! Аж приятно читать, как далеко!

Но почему герцог не послал батальоны задавить предателя? Или добить остатки орды, что изранена, но еще жива? Да потому, что батальоны нужны ему здесь, у дворца! Потому, что всеми зубами и когтями Ориджин вцепился в престол! Как клещ в собачий загрызок... Эх, нет, если бы! Клещ высосет каплю крови и незаметно отпадет. Впился, как рысь в шею лани – вот правильное сравнение!

Одно упущение Ориджина: до сих пор не обручился с Мирой. Как так вышло? Быть может, Перчаткой Могуущества и своим умом Мира смогла отстоять кроху свободы?.. Но даже если так, это мало меняет картину.

К слову сказать, герцог Ориджин теперь всюду именовался лордом-канцлером. Он взял себе новый титул, одним звучанием подчеркивающий власть. Лордов много, советников много, герцогов несколько... А лорд-канцлер – один во всем мире. Более уникален даже, чем сама императрица.

Марк также пытался выловить из «Голоса» какие-то сведения о протекции. Но не нашел ничего, кроме пары упоминаний вскользь. Бэкфилд больше не начальник тайной стражи, что, конечно, радует. И замены ему Ориджин до сих пор не подыскал. Что это значит?.. Хм. Что-то да значит. Всякое-разное, если подумать...

– Ну, что уразумел? – спросил его Дед.

Ворон уразумел две вещи.

Первая: Ориджин – хитрец, интриган и властолюбец. Но хозяин Перстов – несравненно хуже. Марк многое бы отдал, чтобы эти двое вцепились друг другу в глотки. И, пожалуй, болел бы за победу герцога.

Вторая: чего уж там лукавить, хочется обратно свою должность. Пусть хотя бы затем, чтобы помочь лани выжить в рысых когтях. Впрочем, почет и деньги – тоже приятные штуки.

Но то и другое вряд ли стоило говорить вслух, так что Марк ответил:

– Не хочу я от вас убегать. Вон тот диванчик у камина мне по нраву.

– О!.. – сказал Дед, как будто бы удовлетворенно. – Раз так, то послушай историю. Жил был в графстве Закатный Берег один трубочист. Как-то вызвали его в старый дом. Трубочист приехал, глядит – а на месте камина стоит бык! Ну, парень и спрашивает...

Следующим днем в заброшенную виллу пожаловал герцог Ориджин.

* * *

– Дорогу лорду-канцлеру! Дорррогу лорду-канцлеру!

Марк услышал кортеж издали – да и трудно было не услышать. Подковы звенели на квартал, грохотали колеса, орал всадники. Восемь конников в черно-красных плащах, карета с шестеркой лошадей, за нею – еще восемь кайров. Прохожие шарахались с дороги, вжимаясь в стены, жители домов распахивали ставни – поглазеть. М-да, победа в войне не прибавила герцогу скромности.

Ворота распахнулись, впуская кортеж. Карета остановилась у дверей виллы – роскошная до невозможности, даже с трубой! Внутри экипажа, значит, установлена печурка, чтобы герцог, упаси Праматерь, не продрог. Он вышел из кабины, высокий и худой, одетый в черное с серебром. Наряд не слишком яркий, но до того благородный, что режет глаз. Хоть бы голубь его обосрал...

Отвлекись на Эрвиново самодовольство, Марк не успел задуматься: отчего, собственно, лорд-канцлер сам приехал в гости? Почему не вызвал к себе во дворец?

Внизу стукнули двери, зашаркали шаги. Раздались голоса: пара незнакомых, Эрвин, Дед. Дед звучал как всегда – с философским спокойствием. Эрвин – вроде, приязненно. Перед тем, как зашвырнуть Марка в камеру пыток, Эрвин тоже был сама любезность.

Потом шаги закрипели ступенями лестницы. Марк имел время, чтобы причесаться, заправить и застегнуть рубаху, но не стал: много чести – прихорашиваться еще ради каждого встречного герцога.

Эрвин Ориджин вошел в комнату Марка, сопровождаемый лишь одним воином. Кайр остался у двери, Эрвин деловито прошел к столу, сел, положил перед собой толстую папку, весьма похожую на следственное дело. Указал на второй стул:

– Присаживайтесь, Марк.

Его повадки никак не вязались с пафосной внешностью. Да и внешность имела изъяны, невидимые издали: проседь в волосах, кривой изгиб рта, синяки под глазами. Приглядеться – блеску-то поменьше, чем казалось. Марк улыбнулся:

– Желаю вам здравия, милорд.

Эрвин нетерпеливо кивнул:

– Да, и вам... – Он раскрыл папку. – Шестого декабря, как вы знаете, я взял штурмом дворец Пера и Меча. Первым делом я постарался захватить Предметы Династии, полагая, что найду среди них пресловутые Персты Вильгельма. Но бургомистр Фаунтерры барон Эшер был так расторопен, что вывез Предметы из Престольной Цитадели и погрузил в поезд. Под охраной одной гвардейской роты достояние Династии отправилось в Маренго, чтобы попасть на хранение в летний дворец императора. Состав должен был идти без остановок. Однако спу-

стя шесть часов после отправления – на рассвете восьмого декабря – у многих воинов охраны проявились пугающие признаки отравления. Судороги, резкие боли в желудке, рвота (у некоторых – с кровью)... Здесь изложено.

Герцог хлопнул по стопке листов дела.

– Сначала гвардейцы грешили на несвежую пищу: состав снаряжался спешно, запасы харчей не обновлялись. Но спустя два часа поняли: отравлен запас воды в поезде. Ситуация стала критической. До Маренго оставалось никак не меньше двенадцати часов ходу, а больше половины воинов страдали тяжелым отравлением и требовали скорейшей медицинской помощи. Нужно было принять решение. Капитан роты – сир Дерек Уитмор – воин старой закалки, и, что особенно важно, янмеец. Вероятно, он поступил бы так, как сама Праматерь: приказал бы идти дальше без остановок, игнорируя болезни и смерти; передать Предметы дворцовой охране в Маренго, и лишь затем обратиться за помощью. Но на беду сам сир Уитмор был отравлен, и командование принял лейтенант Август Мейс – человек более мягкотелый. Он приказал остановить состав в ближайшем крупном городе – Оруэлле. Первые пути оруэлльского вокзала занимали пассажирские поезда, задержанные из-за боев в столице. Гвардейский состав был отправлен на запасный путь, проходящий в тени за складами. Август Мейс приказал немедленно начать выгружать больных из поезда, а сам с дюжиной воинов поскакал за лекарями и транспортом. Таким образом, боеспособная охрана снизилась числом до неполных двух дюжин, из коих львиная доля была занята ранеными. В этот момент и случилась атака. Неизвестные применили арбалеты и искровые копья, и в считанные минуты уложили половину здоровых воинов. Остальные организовали оборону, стараясь в первую очередь защитить беспомощных товарищей. О, милосердие... Говорят, капитан Уитмор приказывал им: «Предметы, Предметы!..» Но из-за рвотных спазмов его голос был плохо слышен. Пока гвардейцы защищали раненых, преступники подогнали искровый тягач, отцепили от состава вагон с Предметами и укатили. Позже этот вагон был найден в десяти милях за городом – пустой, если не считать трупов четырех стражников, несших вахту внутри запертого хранилища. Предметы исчезли.

Эрвин потерял толстый ворох бумаг.

– В общих чертах, это все, что смог установить шериф Фаунтерры со своими констеблями. Тут имеется масса имен и подробностей, протоколы допросов выживших гвардейцев, результаты осмотра тел погибших нападавших... Весь этот бумажный мусор, который производят чиновники, когда хотят изобразить деятельность. А вот главного недостает – ответов на вопросы: «Кто взял?» и «Куда увез?» Я хочу, Марк, чтобы вы занялись этим.

– Хм-ммм...

Марк потер подбородок, почесал грудь. Занятное предложение, но не то, которого он ожидал. Хозяин Перстов – вот главная цель. А Предметы, пускай даже в числе трех сотен, – не опасность для Империи.

– Милорд, вы просите меня найти для вас достояние Династии...

– Не разобрал вашу интонацию: после какого слова знак вопроса?

Вообще-то, после каждого. «Вы просите» – не тот вы человек, чтобы просить. «Найти» – тут ведь проблема не только найти, а еще и вырвать из рук неведомой силы. «Для вас» – отчего не для Минервы Стагфорт? У нее всяко больше прав на эти Предметы! «Достояние Династии» – вот сами и признаете, что оно не ваше.

– Просите?.. – сказал Марк.

– Вы правы, не прошу. Но и не приказываю, – Эрвин брезгливо отпихнул следственную папку. – Вот что выходит, когда работают по приказу, а не на совесть. Я предлагаю честную сделку: вы мне, а я – вам. Если не подходит, вольны отказаться.

Ворон качнул головой:

– Простите, милорд, но прошлые сделки с Домом Ориджин были не очень-то выгодны... Я рисковал жизнью, выполняя поручение вашего отца. Спас голову кайра Джемиса, и не раз. Нашел нить, ведущую к хозяину Перстов. А взамен, – он обвел глазами комнату, – подземная камера сменилась светлой комнатой, да еда стала чуток получше. Вот и вся моя прибыль.

Тон герцога стал сух и холоден:

– Вы нахамили моей леди-матери. Говорили дерзости леди-сестре, а после болтали с матросней о вашей с нею встрече. Пустили слух о моей связи с Сибил Нортвуд. По законам Севера, за любое из этих деяний вам нужно выбить зубы молотком. Так что ваша награда за службу – не только вкусная пища, но и орган для ее потребления.

Марк развел руками:

– Я простолюдин, у меня худо с манерами...

– Это не оправдание! – рявкнул герцог. – Вы – мужик, а позволяете себе то, что непозволительно и лордам!

– Виноват... – пожал плечами Марк, не особо стараясь изобразить вину.

– Ладно, – Эрвин махнул рукой, – черного ворона не отмоешь добела... Неважно, что было. Важно то, что я хочу вернуть Предметы. Чего хотите вы?

Марк помедлил минуту, чтобы все взвесить, и заговорил:

– В шестьдесят втором году, милорд, при дворе расследовалось одно маленькое дельце. Владыка Телуриан собирался в Дарквотер с визитом к своей кузине – Леди-во-Тьме. Незадолго до отъезда слухок достиг протекции: якобы, один секретарь из императорского эскорта спит с горничной министра ремесел. В самой по себе этой связи крамолы не было: на то и горничные, чтобы... Но министр ремесел вел род из Дарквотера, более того – из прим-вассалов Леди-во-Тьме. Что, если любовнички – мостик между заговорщиками в Дарквотере и при дворе? Нужно проверить. Трое агентов протекции допросили секретаря, и тот выдал: горничная не просто так с ним спала, а ради подкупа, чтобы склонить к преступным действиям, но он – молодца, мужик! – не поддался. В смысле, любовным утехам поддался, конечно, а преступным действиям – ни в какую, кремень. Улик против него не имелось, содействие он оказал, при дворе был на хорошем счету – вот секретаря и отпустили, а горничную жестко взяли в оборот. Однако...

Марк воздел к небу палец:

– Однако среди трех агентов протекции был молодой паренек, который заметил: что-то не то с секретарем. Зацепок никаких, говорит логично, смотрит в глаза... но все ж не то, выражение на лице какое-то... не как должно быть. Тогда паренек подговорил другого паренька, тот встретил чинушу на попойке и стал заливать: ишу, мол, концы в секретариате, дело плевое, заплачу хорошо. Не желает ли кто из секретарей заработать?... И чинуша клюнул! Выяснилось, он не раз уже промышлял продажей тайных документов. Потому на допросе в протекции он струхнул и, едва зашло о политических делах, тут же обвинил горничную – лишь бы от своего промысла отвести глаз. Вот и получилось, что паренек из тайной стражи по своей инициативе поймал жулика, а главное, спас невинную девушку от пыток и каторги.

– Этим пареньком, надо полагать, были вы?

– Да, милорд, но важно другое. Человеком, кто заметил это, был наследный принц Адриан. Дело-то ничтожное: мелкий продажный чинуша – этим старший дознаватель занимается, даже не помощник шерифа. Однако его высочество вычитал в сводках и полюбопытствовал: какой смысленный агент все разгадал? И не побоялся же парень обвинить секретаря-дворянина, чтобы спасти девку-мужичку, – вот что особенно понравилось принцу. С тех пор и пошла вверх моя карьера. Восемь лет я служил владыке Телуриану, но за моими успехами всегда присматривал Адриан. Не стану утомлять вас, милорд, перечетом всего, чем я ему обязан. Скажу просто: для меня дело чести – найти того, кто его подставил. Хотите, чтобы я служил вам – дайте мне голову хозяина Перстов.

Теперь настала очередь Эрвина выдержать паузу.

– Знаете, Марк... Вы сумели обворожить всех, с кем встречались. Вас любят матросы, уважает капитан, моя леди-мать считает умным и достойным человеком, кайр Джеμισ – своим другом. Даже граф Флеминг прислушивался к вам. Но, видите ли, я знавал немало лжецов и интриганов: Айден Альмера, принц Гектор Шиммерийский, леди Сибил, граф Рантигар, наша, с позволения сказать, императрица... Каждый из них по-своему обаятелен и наделен харизмой. Честные же люди – отец и Роберт, барон Стэтхем и кайр Джеμισ – напротив, суровы, хмуры, поскольку честность дорого дается. Но вы не из таких, о нет!

– Вы обвиняете меня в чем-то конкретном, милорд?

– Не обвиняю, но... Вы принесли яд в мой дом. В ход не пустили, но принесли. Вы говорили с Флемингом наедине, а после он меня предал. Вы не склоняли его к измене напрямую – ясно, что нет. Но некую мысль подкинули – и он предал... Вы – скользкий парень, Марк. Положим, я поручу вам поиски хозяина Перстов. Положим, однажды вы ткнете пальцем: «Вон тот граф – преступник! Убейте его, милорд!» Положим, вы даже бросите на стол пачку улики, наподобие этой... Как я смогу вам верить?

– Улики – чушь, милорд. Не в них доказательство, а в логике событий. Я вижу три зацепки, одна из них приведет к хозяину Перстов. Найдя его, я изложу вам свою цепь умозаключений. Если найдете ее убедительной, то обрушите на гада всю мощь агатовских мечей.

Эрвин заинтересованно подался вперед:

– Какие три зацепки?

Марк подумал: сказать ли?... А отчего бы и нет? Это поможет протекции вновь обрести начальника, а хозяину Перстов – подохнуть. То и другое заманчиво.

– Первая зацепка: трофейный Предмет, который сейчас у леди Софии. Я не питаю ни малейших надежд, что хозяин Перстов честно выполнит условия сделки. Уж простите, но леди София дала себя обмануть. Однако зачем-то он сказал ей ехать в столицу. Зачем? Затем ли, чтобы бросить тень на кого-то из лордов, кто сейчас при дворе? Либо – сделать какую-то гадость в Первой Зиме, пользуясь ее опустением? Либо – вправду вылечить лорда Десмонда и тем самым пошатнуть вашу власть? Эти возможности следует осмыслить.

– Второй путь?

– Вербовка новобранцев. Бригада несла потери: нескольких парней убили вы с Джеμισом, дюжина погибла в Эвергарде. Их требуется восполнить. Откуда?... Нужны люди, не обремененные моралью, без малейшего трепета перед Праотцами, но – с умением сражаться. Хорошо подходят пираты, банды дезертиров, а также – шаваны. Пиратство сейчас в упадке, но дезертиров – пруд пруди: из армий Лабелина, из бывших искровиков, а также из шаванов. Я уверен, когда Адриан разбил орду, многие всадники покинули ее и подались в степи – грабить кого попало. Они верят в духов, а не в Праотцов, так что Персты для них – не табу. Будь я вербовщиком бригады, сейчас рыскал бы в степях к западу от Мелоранжа.

– Умно...

– И третья зацепка – оружие. Бригада оснащена не только Перстами, но и искровыми копьями имперского образца. Где их взяли? Самый простой и быстрый способ – купить из-под полы на военном складе. Значит, где-то случилось хищение примерно сотни комплектов амуниции. Сейчас это сложно отследить: половина имперской армии уже на Звезде... Но кладовщики, вероятно, уцелели – эти парни редко ходят в атаку.

Марк умолчал о том, что был и четвертый путь – самый, на его взгляд, перспективный. Смотреть вперед! Лишь одна цель стоит такой масштабной интриги: власть над миром – что же еще! Хозяин Перстов почти сломил Янмэй, а Агату ослабил, но не уничтожил. Чтобы довершить дело и сесть на престол, ему нужен еще один ход: как-то устранить кайров, хотя бы выманить из столицы. Значит, важно все, что может заставить герцога увести кайров из Фаун-

терры. Атака на Первую Зиму? Бесчинства орды? Упрямство Галларда Альмера?.. Если случится нечто подобное – за этим будет тень хозяина.

– Марк, вы отчего-то не назвали тот путь, с которого я начал. Атака на поезд, кража достояния Династии.

– Данный путь, милорд, не ведет к хозяину Перстов. Точнее, вряд ли к нему. Хозяин хочет сесть на трон. Если это удастся, он получит все Предметы Династии по праву нового владыки. Зачем же красть свое собственное имущество?..

Герцог Эрвин развел руками:

– Я об этом не подумал... Что доказывает мою правоту: ваш нюх острее моего, ваша логика – стройнее. Вы сможете доказать что угодно, и я не замечу изъяна в цепи аргументов. Потому мое решение неизменно: найдите Предметы Династии – или ступайте свет за очи. Агата поможет вашей мести, но Агата не поверит словам. Принесите Предмет из сокровищницы Адриана – и Агата будет на вашей стороне.

После паузы Эрвин добавил:

– Люди говорят, между вами и Минервой Стагфорт имелось нечто вроде симпатии... Флиртовали с нею в карете, заезжали в пансион разузнать о ее судьбе, убедили графа Шейланда спасти ее из монастыря... Если найдете Предметы, я позволю вам лично отдать их ее величеству.

Марк уловил неприятный акцент на «если».

– Но до тех пор путь во дворец мне заказан?

– Естественно! Само собою разумеется! Минерва – тщеславная интриганка. Едва она бросит горевать по Адриану, как сразу начнет плести заговор против меня. Пускай же трудится сама, без помощи Ворона Короны и агентуры тайной стражи. Попытка с нею связаться будет стоить вам части тела. Какой именно – решу по ситуации.

– Погодите, милорд! Стоп, стоп, стоп! То есть, я не могу использовать протекцию? Говоря, что я должен найти Предметы, вы имели в виду – я один?!!

– Отчего же?.. Получите двух помощников, уже знакомых вам.

– Дед и Внучок?!..

– Зовите их так, коли угодно. Если понадобятся деньги, информация из дворца, контакт со мною – обращайтесь к Деду.

– Милорд, мы втроем должны разыскать похищенные Предметы? Втроем?! Я, пастух с дудкой и безграмотный юнец?! Это невозможно!

– Говорят, вы – лучший сыщик Империи. Для вас нет ничего невозможного.

Герцог поднялся с видом, пресекающим всякие возражения.

– На этом все, Марк. Я не терплю торгов. Вы хотите убить хозяина Перстов Вильгельма – я единственный, кому это под силу. Вы хотите обратно место главы протекции – только я могу вам его дать. Потому сделайте то, чего я хочу. На этом точка.

Однако он задержался в дверях, чтобы сказать еще кое-что:

– Да, забыл упомянуть. Есть другое дело... Я поручил его своим людям, но если вам попадутся полезные сведения, готов их оплатить. Скажем, небольшое поместье, постоянный доход...

– Какое дело, милорд?

– Достояние Династии – не единственная пропажа. Леди Сибил Нортвуд содержалась в каземате, ожидая приговора верховного суда. Сейчас ее там нет. Пропала без следа в последний день осады.

– Соболезную, милорд.

– Отчего же?

Марк соорудил очень печальную мину:

– Слухи о вашем... ммм... душевном родстве с графиней Нортвуд – отнюдь не моя выдумка. Придворные стали фантазировать про это, едва насытились сплетнями о Нексии Флейм. Потому медведицу считали вашей союзницей. И, полагаю, по-тихому отправили на Звезду сразу, как только запахло вашей победой. Ее тело найдется где-то в Ханае, когда сойдет лед.

– Надеюсь, что вы неправы. Жаль будет потерять... ммм... родственную душу. Найдите мне леди Сибил. Но главное – найдите Предметы!

Лорд-канцлер вышел, не закрыв за собой.

Ворон услышал, как Дед просит герцога:

– Ваша светлость, останьтесь на чай и пару историй.

– С большим удовольствием, милорд, но в другой раз. Нынче – неотложные дела...

Потом Дед зашел к Марку и сказал:

– Что ж, поленились – а теперь немного поработаем...

– Ты знаешь, что нам поручили? – спросил Ворон.

– Вернуть Предметы Династии и леди Сибил Нортвуд.

– Тогда какой тьмы ты говоришь: «немного поработаем»?! Немного поработать – это хлеб маслом намазать! А вернуть Предметы – это... это... хрена с два мы справимся, вот что это!

Дед уселся поудобней, огладил усы и непонятно к чему рассказал историю про сельчанина, епископа и сундук с верой.

Марк проворчал:

– У меня нет ни единой догадки, что ты хотел этим сказать. Мы в полной заднице – вот все, что я понял.

Дед развел руками:

– Ты хотел понять именно это, вот и понял. Что еще тут скажешь...

Он собрался уходить, и Марк одернул:

– Постой, Дед. Лорд-канцлер назвал тебя милордом, или я ослышался?

– Назвал, было дело.

– Так что же, ты – северный лорд?

– Разве дело во мне?.. – удивился седой. – Тебе приятно, чтоб я был Дедом, вот я и Дед.

Герцогу важно видеть во мне лорда – с ним я милорд.

– Хм... А сам-то ты как хочешь зваться?

– Сегодня?.. Пожалуй, вот так...

И Дед взял несколько нот на чимбуке.

Искра – 3

Фаунтерра

«Есть восемь врагов правителя. Первый – и самый незаметный из них – праздность. Владыка может выполнять множество рутинных дел, тратить остаток времени на забавы, и не знать ни минуты покоя. Тем он скроет от себя плачевный факт: в действительности, он не делает ничего».

Так предостерегала Янмэй Милосердная. Мира очень гордилась тем, что сумела избежать этой опасности.

Придворная жизнь являла собой фейерверк развлечений, калейдоскоп забав, гудящий улей праздных людей. Приемы, игры, танцы, пиршества, гости, подарки, поклоны лились каждый день обильным майским ливнем. Мира словно кружилась в хороводе, из которого ее выхватывали в положенный по графику час, переодевали, подрумянивали, украшали новой россыпью драгоценностей – и пускали в новый хоровод, чтобы спустя несколько часов сменить его третьим. Великая Янмэй, конечно, была права: очень сложно сохранить курс в этом водовороте. Тьма, сложно сберечь даже ясность мыслей, хотя бы вспомнить то, о чем думал час назад! Но Мира, кажется, это удавалось.

Она начала со встреч с ключевыми людьми и через секретарей вызвала их к себе на прием. Это принесло мало успеха. Каждый важный чиновник тоже кружился в водовороте дел, вырвать его оттуда было сложно. Да и Мира почти не имела времени сидеть в кабинете, принимая чиновников, – всякий ее день был расписан почасово. Но она поняла: нужно не противиться течению, а использовать их. Танцы, приемы, карточные игры, музыкальные салоны, даже переодевания – все можно применить для дела, если действовать с умом.

Слугами императрицы заведовала камер-леди Моллия – полная зрелая дама с бородавкой на шее, так сильно запудренной, что не оторвешь глаз. Мира призвала ее к себе во время вечернего туалета:

– Леди Моллия, помогите мне советом по очень важному вопросу. Это платье подчеркивает мои ключицы – не слишком ли откровенно для полуофициального вечера?

Камер-леди пришла в восторг от оказанного доверия. Покойная императрица Ингрид не раз обсуждала с леди Моллией свои туалеты, и леди Моллия будет счастлива поделиться опытом. Ваше величество совершенно правы: ключицы – интимная и женственная часть тела, особенно когда они так выразительны, как у вашего величества. А полуофициальный ужин подразумевает яркий искровый свет, который подчеркнет откровенность платья. Так что стоит укрыть плечи накидкой – лучше легкой, полупрозрачной, это привнесет ноту загадочности...

Мира позволила камер-леди выбрать накидку. Пока дама скрепляла ткань алмазной брошью на ее плече, Мира задала менее важный вопрос:

– Я хотела бы сама принимать участие в подборе слуг... Как можно это устроить?

Камер-леди была весьма удивлена. Зачем подбирать слуг, если полный штат уже подобран? Все люди проверены многолетней службой и прекрасно вышколены. Их предки служили Династии не одно поколение. Какой смысл менять столь прекрасных слуг? И если даже вашему величеству угодно их заменить, то зачем делать это самой? Владычица Ингрид никогда не занималась таким, всегда поручала это заботам камер-леди!

Мира пояснила, виновато краснея, что ее тонкая душа страдает от вида немиловидных слуг. Все работают прекрасно, спору нет, но внешность некоторых ранит эстетизм императрицы... Нельзя ли назначить им достойную пенсию и подобрать несколько новых? Причем так, чтобы сама Мира предварительно их осмотрела?

Лицо бородавчатой дамы прояснилось:

– О, конечно, мне так понятны чувства вашего величества! Императрица Ингрид, бывало, тоже злилась на лакея за то, что он некрасив. Завтра же похлопочу о замене. Позвольте узнать, какие слуги вам немылы?

Так Мира избавилась от самых твердолобых шестеренок машины и набрала полдюжины юношей и девушек, в чьих глазах увидела проблески ума. Как бы между прочим она велела каждому прочесть отрывок из дневников Янмэй и пересказать своими словами. «Достаточно милостивыми» для глаз ее величества оказались те слуги, кто уловил смысл текста хотя бы наполовину. Теперь во время переодеваний Мира слушала не любовные романы, а труды об управлении государством.

«Разнородные стремления множества людей порождают хаос. Праздная суета, свойственная высшему дворянству, усугубляет его. Первейшая задача правителя – своею волей противостоять хаосу, заменить беспорядочное движение поступательным. Для этого он должен ясно, будто красную ленту, видеть путь к своей цели».

Иногда Мира теряла цель из виду. Но, сфокусировав мысли чашкой крепкого кофе, она ловила кончик ленты.

Большинство министров Адриана бежали из столицы, бросив все дела. Один был убит кайрами – якобы, случайно. Свои должности сохранили трое: министры науки, путей и двора.

Министр науки почти безвыездно обитал в Университете Фаунтерры – министерство занимало один из корпусов. Чтобы повидаться с ним, Мира использовала течение водоворота. Университет торжественно открывал новый учебный год, высшая знать собралась на традиционное празднество. Министр науки – магистр Айзек Флевин – конечно, участвовал в событии. Это был высокий очень тощий мужчина – жердь. Возрастом едва старше Адриана, но прежде времени седой. Мира испытала к нему симпатию, как только заметила: министр тяготеет к церемониям. Он произнес короткую сдержанную речь для студентов нового набора и был откровенно рад сойти с трибуны. Пока дворяне соревновались в красноречии, выдумывая заковыристые поздравления, Айзек Флевин переминался на месте и нервно потирал ладони. Мира поздравила студентов буквально тремя фразами. Когда начался банкет, она улучила возможность перемолвиться с министром.

В ответ на вопрос о жизни Айзек Флевин нашел только два слова:

– Ваше величество...

Она попыталась разговорить его. Успешно ли ведутся исследования? Каковы успехи студентов? Достаточно ли финансирования? Много ли потеряла наука в результате войны?

Магистр Флевин отвечал вежливо, но очень кратко и поверхностно. Успешно, ваше величество. Нет поводов для жалоб. Скорбим о владыке Адриане. Наука неустанно развивается, ваше величество.

Мира сменила тактику:

– Магистр, летом я была на демонстрации первой действующей «волны» между Фаунтеррой и Алериданом. С тех пор не дает покоя вопрос: возможно ли протянуть «волны» между всеми большими городами Империи? Наверное, это потребует многих лет и сотен тысяч эфесов, но результат того стоит, вы согласны? Все земли и народы сплотятся, станут ближе, получив такой быстрый способ связи.

Магистр пожал плечами:

– Ваше величество, постройка рельсовых дорог, искровых цехов и «волн» – забота министра путей. Я не ориентируюсь в стоимости работ. Но могу сказать, что «волны» обойдутся значительно дешевле между городами, которые уже связаны рельсами.

– Почему так, магистр?

– «Волна» может использовать для передачи информации тот же провод, который питает движение поезда. Где проложены рельсы – там, считайте, уже проложена и «волна». Нужно лишь установить аппаратуру на ее концах.

– Как может и искра, и «волна» идти по одному проводу?

Флевин поморщился:

– Стоит ли вашему величеству забивать голову научными тонкостями?..

В его гримасе читался истинный вопрос: поймете ли вы хоть слово из моего объяснения? Мире захотелось обидеться. Но вместо этого она выложила министру науки все, что успела понять летом об устройстве «волны». Отрывистые сигналы передатчика, кодирующие буквы; приемник, что по силе и количеству сигналов определяет, какая буква закодирована. Питая слабость к красивым словам, Мира даже помнила термин «амплитуда».

– Но вот чего я не понимаю. Силовая искра, питающая поезд, и сигнальная искра «волны» смешаются, если окажутся в одном проводе. Как же разделить их в приемнике?

– Вашему величеству действительно интересно?..

Выражение лица Мира не оставляло ни малейших сомнений.

– Ваше величество, я зайду издалека. Позвольте сначала объяснить, что такое частота...

За следующие полчаса Мира узнала все о частоте сигнала, способах ее задать, измерить и отфильтровать от других частот. У магистра Флевина горели глаза, он не замечал никого вокруг, за исключением слушательницы. Мира же, при всем своем уме, чувствовала, что голова вот-вот лопнет, как каштан на огне. Магистр Флевин окончил монолог, перевел дух, похлопал веками, удивленно огляделся – будто вернулся с небес в подлунный мир.

– Простите, ваше величество, что мой ответ бесполезен для вас. Конечно, вас больше волнует практическая сторона дела: стоимость машин и сроки работ, а в этом я – профан. Запросите министерство путей, они владеют всеми нужными данными...

Министр ошибался. Минерва мало что поняла из объяснений, но разговор был очень полезен. Она уловила главное: Айзек Флевин – идеальный человек на свою должность. Чрезвычайно умный фанатик науки, равнодушный к практическому миру. Ум и одержимость были залогом его успеха. А безразличие ко всему, кроме чистого знания, давало защиту: лорд-канцлер никогда не заподозрит Флевина в интригах и не снимет с должности. Прекрасно! Осталось проследить, чтобы министерство науки получало достаточно финансирования – и за эту сферу можно быть спокойной.

Министра путей Мире повидать не удалось: он ездил по стране со срочной инспекцией разрушенных рельс и мостов. Что косвенно было хорошим признаком: он предпочел нелегкую зимнюю поездку дворцовым праздникам – значит, ответственно подходил к делу. Мира запланировала встречу, едва он вернется, и перешла к министру двора.

С ним увиделась среди цветов. Зала для танцев была повреждена попаданием из требушета. «Дамский праздник» – чудесная потолочная фреска со змеями – к счастью, не пострадала. Но в стене возникла немалая дыра, которую сейчас, наконец, заложили камнем. Сырая штукатурка зияла темным пятном и требовала маскировки. Решено было закрыть пятно цветами. Но цветы лишь на одной стене смотрелись бы нелепо, потому стали украшать всю залу. Управлял работами главный декоратор, министр двора приглядывал за ним, а ее величество проявила естественный для девушки интерес к цветам – и тоже оказалась рядом.

Десятеро слуг были наряжены в ливреи под цвет стен – чтобы стать незаметными и своим видом не мешать восприятию композиции. Они таскали с места на место цветочные горшки и вазы, расставляли по полу, поднимали на разную высоту. Главный декоратор гонял их взмахами указки и нервными покряками:

– Азалии – туда! На фут выше, на ярд правее. Белые хризантемы – справа у портьеры. Желтые хризантемы – слева от окна... Нет, левее, точно под песчаной змейкой! Вот, верно...

Нет, не то, гармония отсутствует... Замените азалии на... ммм... попробуем пионы в лазурной вазе.

Цветы, ждущие своей очереди на пробу, тянулись четырьмя шеренгами от стены до стены. Они напоминали пехоту перед боем. Нет, скорее, знатных рыцарей: все разномастные, каждый в геральдических доспехах своего дома.

Министр двора – гордый старичок с бакенбардами – прохаживался вдоль шеренг, прищипывая ногами в остроносых туфлях с пряжками. Он говорил с таким сильным столичным акцентом, что не оставалось сомнений: министр родился в Фаунтерре, вырос в Фаунтерре, умрет в Фаунтерре и после смерти попадет обратно в Фаунтерру.

– Ваше величество, как видите, фсе идет прекрасно! Зала станет гораздо, несрафненно лучше, чшем до войны! Ушше зафтра ваше величество будет плясать среди этой крассоты! Ла-лай, ла-лай, ла-лай-та-та...

Он напел несколько тактов и мелодично пошаркал каблуком по паркету.

– Очень хорошо, я довольна, – молвила Мира, немного сбита с толку. – Но не скажете ли...

– Кхонешно, вы доффольны! – воскликнул старичок. – Кхакая девушка не порадуется танцам? Кафалеры – там, дамы – напротиф, все в блеске и злате! В трепетном ошидании – кто ше подойдет, кто пригласит?.. А огни сверкают, музыка поет – ла-ла-ла-лай, ла-лай, ла-лай-та-та!..

Он крутанулся на месте, опрокинул горшок с фиалками, выдохнул:

– Прелесс-сно!

– Простите, сударь, не скажете ли: во что обошлись казне все эти цветы? Наверное, очень недешево: ведь зима! Их закупали в парниках или доставляли с крайнего Юга... Сотни эфесов?.. Тысячи?..

– Ах-хх! – старичок взмахнул рукой. – Разница ли?.. Не берите ф голоффу, ваше величество! Я не думаю о цене, и вы не думайте. Только красота идет в расчет! Деньги – пф-фф!..

– Но где вы их берете?

– Лорт-канцлер велит мне делать красоту, и я делаю. Лорт-канцлер знает толк в красоте – да! Я беру щета и передаю лорту-канцлеру – фсе, будет оплата.

– А откуда лорд-канцлер берет деньги на оплату счетов? Вероятно, из казны?

– Разница ли, ваше величество?..

Мимо них рысцой пробежала четверка слуг.

– Треноги по сторонам двери!.. – кричал главный декоратор. – Из треног – выющиеся розы. Пустим их по откосам...

Споро зазвенели молотки, вбивая в косяк крохотные гвоздики.

– Сударь, я согласна: красота – важнее денег, красота – фсе. Но голодные мещане на улицах, солдаты, гниющие от ран в госпиталях, – разве это красиво? Меня коробит, когда вижу...

– Так не смотрите, вашше величество! В госпиталь – зачем? Вы молоды, здоровы – не надо в госпиталь! Там ф-фу, не место для девушки! А нищие – кто же виноват, што не имеют денег? Они сами! Кто умеет жить – тот имеет деньги.

– И тем не менее, сударь, я прошу вас ограничить затраты на содержание двора. Лорт-канцлер не знает никакой меры!

– Лорт-канцлер – мудрый челоффек! Война кончилась – люди хотят мира. А мир – што? Мир – красота, цветы, танцы, музыка!.. Ай-ла-ла, ай-ла-ла, ай-ла-ла-лай!.. Мир – роскошь и блеск! Не будет роскоши и блеска – люди решат: жестокий северянин, немудрая императрица, плохая фласть. Не нужна такая фласть, не нушен такой мир!

– Я признаю ваши аргументы, но мы могли бы тратить меньше денег на забавы и празднества. Делайте свое дело, сударь, только более экономно.

– Ах, зачшем?! Ваше величество молоды! Наслаждайтесь жизнью, радуйтесь, а не думайте. Экономия – пфф!.. Она для тех, кто стар душою!

Декоратор прервал их криком досады:

– Не то, не то! Розы – плохо, нет души. Срывайте их во тьму, давайте плющ и эустомы!

Слуги оторвали розовые стебли с той же сноровкой, с какою только что привязывали их. Вбежал секретарь – и чуть не влип головой в шипастые заросли. Его спас поклон, вовремя отвешенный в адрес императрицы.

– Ваше величество, смею напомнить о графике. Необходимо переодеться, чтобы через час быть в посольской анфиладе, где произойдет...

Мира покинула залу, а старичок кричал ей вслед:

– Вы молоды! Танцуйте, пойте, радуйтесь! Ах, жифите с красотой!..

Не сразу, но после вечернего кубка вина Мира сумела найти светлую сторону и в этой встрече. Да, министр двора не принимает ее всерьез, прожигает средства и потакает мотовству лорда-канцлера. Но, по крайней мере, он – не подлый царедворец, вор или интриган. Он всего лишь глуп...

Янмэй Милосердная писала:

«Нельзя построить пирамиду власти из одних лишь умных людей, ибо они – всегда в меньшинстве. Но правильно устроенный государственный аппарат терпит к известной доле дураков – от одной до двух третей среди общего числа чиновников. Дурака невозможно обучить или заставить думать, но можно адресировать, подобно собаке. Главное – никогда не возлагать на него задач сверх привычного набора трюков».

* * *

Кстати, о собаках. Вряд ли Праматерь Янмэй когда-либо видела гонки собачьих упряжек. Значит, кое в чем Мира уже превзошла великую предшественницу.

Гонки были затеей лорда-канцлера – одной из многих, нацеленных на знакомство столицы с культурой Севера. Она культура представляла смягченной, приглаженной, вылизанной – будто медвежонок с розовым бантиком. Например, в январское новолуние северяне традиционно купаются в проруби, чтобы смыть печали минувшего года. Окунаются с головой, невзирая на морозы, и нагишом, безо всякого стеснения. Придворные же под руководством лорда-канцлера устроили умывание снегом. В полночь выбежали во двор, наряженные в меха, бросили себе в лицо пару горстей снега, повизжали, похохотали, кто-то кого-то к общей радости опрокинул в сугроб. Затем стали пить горячее вино в полном восторге от приключения. «Ах, лорд Эрвин, вы так чудесно придумали!..»

Теперь вот собачьи бега. Настоящих ездовых псов при дворе не нашлось. Они и на Севере-то в наши дни редкость, Мира видала их лишь несколько раз: громадные серо-белые зверюги на голову выше волка, шерсть длиной в ладонь, тело – сплошные мускулы, а дышат так, что из глотки рвется пар. Красавцы!.. Вот только для придворных гонок мобилизовали обычных служебных собак: догов да овчарок. Недели две псари обучали их тому, как вести себя в упряжке, а собаки протестовали изо всех сил: лаяли, выли, грызли постромки и друг друга, просто ложились на снег. Наконец, их убедили, что с лордом-канцлером и его затеей придется смириться, как с неизбежным злом. Чувства собак были очень понятны Минерве. Для полноты унижения, их еще и принарядили: каждой псине накинули попону с гербом герцогства, такой же маячил на вымпеле над нартами. В гонках участвовали четыре упряжки: от Короны, Нортвуда, Альмеры и, конечно, Ориджина – куда же без него.

Настроенная скептически, владычица пришла с единственной надеждой: выпить горячего вина. Но атмосфера праздника увлекла ее: сияло солнце, искрился снег, гомонили люди, псы возбужденно подскакивали, рвались с места, подвывали. Им не терпелось: давайте уже, ну скорее, ну бежим! Погонщики едва их сдерживали. Азарт передался Мире, и она спросила соседа:

– Как вы думаете, кто победит?

– Надеюсь, Корона, ваше величество. Но боюсь, что Ориджин – вы только взгляните на этих страшных овчарок!

Овчарки Ориджина действительно смотрелись жутковато: лохматые настолько, что даже глаз не видно, – лишь горы меха да клыкастые пасти! Молодой кайр дразнил их, теребя «зайкой» перед мордами, овчарки свирепели.

– Боитесь, что Ориджин? – Мира с улыбкой глянула на соседа.

Конечно, это был столичник – и важный столичник, первый дворцовый секретарь. Собственно, она оказалась рядом не случайно, надеялась перемолвиться с ним, да только отвлеклась на собак.

– Хватит с Ориджина и одной победы... Не так ли, ваше величество?

Первый секретарь был молодым парнем – лишь лет на семь старше Миры. Первородный янмэец, как и она. Судя по изгибу рта, самоуверенный нахал. Судя по глазам, отнюдь не дурак.

– Я знаю вас, сударь, – сказала Мира.

– Баронет Дориан Эмбер, род Янмэй Милосердной, к вашим услугам, – первый секретарь взмахнул косматой шапкой, будто шляпой.

– Вы – тот, кто планирует все на свете.

– Не на свете, а только во дворце, ваше величество.

– С меня и этого довольно. Вы решаете, когда мне есть, когда спать, с кем встречаться, куда ходить. Даже мой отец-рыцарь давал мне больше свободы!

– Смотрите, ваше величество: сейчас начнут!

Мира хлопнула ресницами:

– Вы проигнорировали мое замечание?!

– Голос вашего величества звучал кокетливо. Простите, я не нашелся, как среагировать.

– Вам почудилось. На самом деле, я очень, очень зла!

Наездники встали в упряжках, взяв одной рукой поводья, а другой – длинные шесты с заячьими шкурками. За Нортвуд ехал младший сын графа, за Ориджин – кайр со странным прозвищем Сорок Два, за Альмеру – какой-то рыцарь, за Корону – знакомец Миры, капитан Харви Шаттэрхенд. Лорд-канцлер вышел вперед с флажком в руке, рядом с ним была Аланис Альмера.

– Во имя Короны и Севера... – начал лорд-канцлер, Аланис вернула:

– Во славу Янмэй и Агаты!..

– Ради дружбы между землями Империи... – Ориджин подмигнул ей, передавая слово.

– ...и ради всеобщей любви к собакам, – подхватила Аланис, – объявляем гонки...

– ...открытыми! – вскричал лорд-канцлер.

Приняв возглас за сигнал к старту, три из четырех упряжек тут же рванули с места, лишь альмерская осталась стоять.

– Нет, нет! – Ориджин замахал флажком. – По слову «старт!»

Но псов было не остановить – они уже всю сверкали пятками, швыряя снег в лица наездников.

– Не стойте, езжайте, езжайте! – Аланис накинулась на гонщика под гербом Альмеры. – В погоню!..

Альмерские доги – сильные, но спокойные – стали вальяжно набирать скорость.

– Ленивые твари!

Аланис хлестнула ближайшего пса, как коня. Но песий нрав – не конский. Вместо бежать быстрее, дог рванул к Аланис, чтобы укусить. Нарты опасно накренились, грозя опрокинуться.

Ориджин, видя это, завопил:

– Ааа! Не бегите ко мне! Ненавижу песьи слюни!..

Явно сказано на потеху толпе, и толпа пришла в восторг:

– Да, хватай его! Куси северянина!..

Сообразив, что делать, Аланис побежала вдоль трассы. Доги погнались за нею и набрали скорость в нужном направлении. Девушка отскочила в сторону, нарты промчались мимо и унеслись следом за соперниками, что уже вырвались ярдов на двадцать. Дворяне восторженно аплодировали. Мира смеялась, прижав к губам ладошку.

– Видите, ваше величество, – сказал баронет Эмбер. – А вы не хотели идти!..

– Откуда знаете, что не хотела?

– Я же планирую ваш день. Десять-тридцать: начало сомнений. Десять-сорок-пять: разгар мыслей о вреде праздности. Одиннадцать-ноль-ноль: акт самопожертвования – мучительный выход на гонки.

– Сударь, вы флиртуете со мною?

– Пытаюсь погасить вашу очень-очень злость.

– Да, благодарю за напоминание! – Минерва смирила баронета предельно суровым взглядом. – Я очень зла. Дайте мне свободы, сударь.

– Простите, ваше величество. Мне думалось, вы любите графики.

– Отчего вы так считали?

– А как можно их не любить? Графики – самое приятное в жизни. Обожаю их составлять. Если бы кто-то составлял графики для меня самого, я был бы вдвое счастливее.

– Вы шутите, а я серьезна!

Но в этот самый миг псы Нортвуда ошибочно бросились за «зайкой» Ориджина, и две своры смешались в кучу-малу. Упряжка Альмеры налетела на них сзади. Лишь нарт Короны избежали хаоса и помчались вперед.

– Вы улыбаетесь, ваше величество, – отметил баронет Эмбер.

Он и сам улыбался: янмэйские ямочки темнели на щеках.

– Вы несносны, сударь! Слушайте мой императорский указ. С завтрашнего дня освободите мне никак не меньше трех часов в сутки!

– Зачем?! – удивился баронет.

– У меня множество личных дел, чтобы вы знали!

– Каких же?

– Это переходит всяческие рамки!

– Согласен, ваше величество. У императрицы появились личные дела – недопустимо! Перечитайте дневники Янмэй – там между строк сказано, что такого не бывает.

– Да, верьте или нет, но у меня тьма личных дел!

Минерва растопырила пальцы. Между большим и указательным она видела, как нортвудец и кайр растаскивают псов за задние лапы. Между мизинцем и безымянным леди Аланис металась в бешенстве, а лорд-канцлер тайком от нее хохотал. Мира загнула мизинец:

– Так, для начала...

Пьянство.

– Нет, этого я вам не скажу.

Загнула безымянный: планы против лорда-канцлера.

– Нет, это тоже тайна.

Средний палец: изучить финансы, чтобы не быть круглой душой.

– Хм... перейдем к следующему.

Указательный: разобраться в законах и договориться с судом, который зачем-то приговорил меня к смерти.

– Тоже секрет...

Так и не сказав ничего, Мира загнула все десять пальцев. Показала Эмберу кулачки:

– Видите, я полна планов! Трех часов даже мало, освободите пять.

– Признаю ваши бесспорные аргументы, – Дориан Эмбер покачал головой, – но все равно не могу. Лорд-канцлер, как видите, фонтанирует затеями и жаждет вашего в них участия. Быть может, тайная влюбленность тому причиной. Если в вашем графике появится пробел, Ориджин очень расстроится.

– И что из этого?

– В народе говорят, что Ориджин в Запределье поймал Темного Идо за бороду, скрутил, оседлал и верхом на нем вернулся домой. Не то, чтобы я верил в сказки, но все же...

– Пфф!

– Еще у него крайне острый меч, исключительно черный конь и весьма бородатый брат. Все это меня смущает.

– Вторичное «пффф!» Надеюсь, вышло презрительно.

– В первый раз было лучше.

Нортвудец с кайром, наконец, разняли своих псов и набирали ход. В упряжке Нортвуда хроمال коренник, укушенный за лапу. Скоро Альмера обогнала его. Леди Аланис победно вскрикнула. Лорд-канцлер ухмыльнулся, Аланис погрозила ему кулаком.

– Они любовники? – спросила Мира.

Баронет по+стучал пальцем о палец. Мира поняла ответ как: «Иногда».

– Аланис вертит Ориджином?

Эмбер отмахнулся.

– Он вертит ею?

Баронет покачал ладонью влево-вправо – мол, пытается, но не слишком успешно.

– Вы все знаете?

– Лишь то, что внесено в дворцовый протокол.

– А что внесено в протокол?

– Все.

Упряжка Короны подходила к последнему повороту, капитан салютовал трибунам. Овчарки Ориджина отставали на полсотни ярдов, доги Альмеры дышали им в хвост, Нортвуд полз позади.

– Я тоже хочу все знать.

– Вам не положено, вы императрица.

– Бесстыдный дерзкий наглец!

– Я? Или лорд-канцлер?

– Скажете, снова он виноват? Вызовите его на дуэль!

– Простите, ваше величество, но что-то не хочется.

– Вы флиртовали со мной, сударь! Теперь, как честный человек, обязаны совершить подвиг! Вызовите лорда-канцлера. Заколите его шпагой. Затапчите конем. Загрызите овчаркой. Хоть бросьте в него кремовым тортом!

– Глядите!..

Уверенный в победе, капитан Шаттэрхенд ослабил внимание, и его псы проскочили поворот. Гвардеец принялся дергать их, но звери перли прямо, вывалив языки и ничего не замечая. В отчаянии он стал их лупить – без результата. Наконец, смекнул, что делать: поймал за ноги левого пристяжного и опрокинул на снег. Собачье тело послужило тормозом, нарты занесло и развернуло влево – но поздно. Упряжка Ориджина уже вырвалась вперед.

– Тьма!.. – выругалась Мира.

Кайр финишировал первым, рыцарь Альмеры – вторым, лишь третьим подоспел капитан. Лорд-канцлер хлопнул кайра по плечу, вместе заорали: «Слава Агате!..»

Тогда леди Аланис отняла вожжи у своего рыцаря и встала на нарты.

– Альмера проиграла из-за ложного старта! Я требую реванша! Кто выйдет против меня?!

Кайр глянул на нее с явным снисхождением и отошел в сторону. Нортвуд съехал с трассы из-за хромого пса. Аланис могла соревноваться лишь с упряжкой Короны. Капитан Шаттэрхенд вопросительно посмотрел на Миру: что делать, ваше величество?

Она толкнула в бок баронета Эмбера:

– Вы же хотите, чтобы победила Корона? Ступайте и выиграйте гонку!

– Ваше величество, это невозможно. Я боюсь снега, собак и леди Аланис.

– Жалкий трус.

– Или, возможно, провокатор... – он подмигнул.

Мира усмехнулась и бросила ему свою муфту.

– Если я выиграю, начнете делиться со мной всеми сведениями.

– А если проиграете?..

– Половиной!

Лорд-канцлер первым заметил, что она идет на старт.

– Господа, это великий день! Янмэй Милосердная выступит против Светлой Агаты!

Капитан бросился к Мире:

– Ваше величество, стоит ли?..

– Разве это опасно?

– Никак нет. Собаки не злы, снег пушист. Но все же – стоит ли?..

Она только глянула. Капитан передал вожжи и шест.

– Отомстите Альмере, ваше величество!

Мира снизила до шепота:

– Как ими править?..

– Вы же северянка!..

– И все-таки?

– Держите шест со шкуркой. Коренник бежит за «зайкой», остальные псы – за коренником. Правьте только коренником, прочие ему подражают. Слов не говорите – собаки входят в раж, ничего не слышат. На поворотах ведите «зайкой» и помогайте вожжами. Но не как верхом, а – вот так...

Он показал. Мира встала на нарты.

– Лучше на колени – устойчивее.

Императрица на коленях – хм... Но императрица, торчащая из сугроба, – двойное хм. Мира опустила на колени. Покачалась, нашла устойчивое положение. Намотала вожжи на кулак, удобнее перехватила шест.

– Ваше величество готовы?.. – спросил лорд-канцлер.

Она кивнула. Он вышел вперед, подняв флажок. Аланис шепнула:

– Я не стану поддаваться.

– Этого и не нужно.

– Старт! – крикнул Ориджин. Флажок упал.

Мира отпустила вожжи и мотнула «зайцем» у носа коренника. «Рррррр...» – захрипел пес и дернул с места. Нарты поползли, набирая ход.

Ровно за минуту с Миры слетело все веселье. Смешно было смотреть со стороны, но теперь... Ни о чем не думалось, кроме – выиграть. Ничто не важно, кроме победы. Забавная, глупая, ничего не значащая – но победа. Первая при дворе!

Аланис, видимо, думала то же.

Мира гнала молча, сцепив зубы. Дергала шестом вверх-вниз, «зайка» прыгал у носа коренника, пес хрипел от усталости и злобы. На каждом выдохе: хар, хар, хар, хар. Скрипел снег, летели льдинки из-под собачьих лап. Сбоку яростно вскрикивала Аланис:

– Вперед, твари! Гони! Вперрред! Гони, прроклые!

Она дергала «зайку» то влево, то вправо, и коренник вилял, делая лишние шаги, – зато гнал азартней, горячее. Мира молчала, держа ровно вперед, аж затекала рука, до того ровно. По красной ленте, как в записках Янмэй.

Аланис оглядывалась на Миру: глаза сверкали, волосы волной по ветру. Мира обернулась лишь дважды, а так смотрела только вперед. Мохнатые икры, крошево из-под лап, «заяц» у носа жоака.

Аланис стояла во весь рост. Дважды чуть не вылетела, едва удержалась за вожжи. Мира не поднималась с колен. Будет ужасно – проиграть на коленях. Ну, значит, я не проиграю. Точно? Да, Минерва!

На последнем коварном повороте Мира круто увела «зайку» влево, и вдруг ударила шестом в бок жоака. Пес вывернул морду, огрызнулся – и вынужденно свернул. За ним остальные. Нарты качнулись, Мира точно улетела бы, стой она во весь рост.

Через минуту пересекла линию, лорд-канцлер махнул флажком над ее головой. Леди Аланис финишировала секундами позже.

Миру поздравляли все – буквально засыпали восторгами и комплиментами. Если бы в лести можно было утонуть, она бы уже не дышала. Но, положила руку на сердце, это было чертовски приятно. Почти столь же приятно, как разогнуться, выпустить вожжи и разжать задуbevшие пальцы.

После всех подошла Аланис. Мира ждала от соперницы ядовитого плевка и спешно готовила ответные стрелы.

– Ваше величество, простите мою дерзость, – сказала леди Альмера.

– Не стоит извинений. Я не просила поддаваться, и вы не поддавались. Это было хорошо.

– Я не о гонках, а о летнем балу, – Аланис сделала жест пальцами, будто подняла чашечку кофе. – Мои насмешки были глупы и недостойны. Прошу вас, не держите зла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.